

A woman with long, flowing brown hair is depicted in a white, lace-trimmed spaghetti-strap dress. She is floating or falling through a soft, pinkish-purple mist. Numerous dark feathers are scattered around her, some appearing to float in the air. The overall mood is ethereal and dreamlike.

Татяна
Грачёва

Не можешь лететь —
падай!

БОСИКОМ

за

ВЕТРОМ

Татьяна Александровна Грачева

Босиком за ветром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70110820

SelfPub; 2024

Аннотация

Славку не мучают кошмары, наоборот. Она сама плетет их жуткий узор. Дочь ведьмы, наделенная особой способностью – проникать в чужие сны и подсматривать самые сокровенные желания. Но даже она не в силах повлиять на чувства того, кого сама нарекла именем ветра. Когда-то она не смогла его простить. Вытравила из памяти, присыпала пылью забвения. Но горькая обида и жгучая любовь поднялись ураганом и вырвались на свободу, грозя разрушить всё, что ей дорого. И всё же за свою любовь Славка готова бороться, даже с тем, кого любит, – бежать босиком за ветром и лететь за ним в пропасть. Не можешь лететь – падай! книга

Содержание

Пролог	5
1 глава. Солнечный остров	9
2 глава. Никудышный кроль и Маугли	22
3 глава. Шинук	65
4 глава. Рубашки из нотчии	91
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Татьяна Грачева

Босиком за ветром

Отболею.

Выпущу воронов,

Пусть стаями

Над обломками

Моей крепости

Разлетаются.

Пусть останками

Моей нежности

Напитаются

Анастасия Сизикова

Пролог

Что может быть страшнее троллейбуса? Только трамвай. Именно он нёсся навстречу Славке, вытаращив фары и ошестинившись пантографами словно ядовитыми усами. Механический, красный и беспощадный. Она смотрела на него испуганными глазами в каком-то заторможенном онемении. Не дышала и не моргала, обречённо ждала удара. Вот сейчас он её снесёт, как медлительного непутевого зайца, и размажет мясным вареньем по рельсам. Часть Славки, возможно, не самая лучшая, к тому же лопаухая, отлетит на остановку под ноги зевакам, кишки гирляндами повиснут на деревьях, а волосы чёрной паутиной спутают кусты. Руки оторвутся по локти и вцепятся в шевелюру девушки с лицом старосты, бесцеремонно и громко заметившей, что у Славки нет порядочного маникюра, только неопрятные огрызки ногтей.

Трамвай летел, свистел и не думал скрежетать тормозами. Увидев преграду, скорость не сбавил, наоборот, хищно сощурился, будто домашняя такса, увидевшая на прогулке у пруда долгожданную утку, и погнался за растерянной жертвой.

Несколько секунд Славка смотрела в блестящее лобовое стекло, а потом поступила как неумные герои мультфильмов. Развернулась и побежала по рельсам. Не сворачи-

вая, прямо и предсказуемо, очень удобно для обезумевшего трамвая. Он шумно и недовольно пыхтел где-то за спиной, обдавая тёплым воздухом спину и плечи. Славка взвизгнула и резко свернула на проезжую часть, а потом и во дворы. Трамвай повернул следом. Виляя гибким телом, огибал высокие дома и ловко просачивался между деревьями. А Славка всё бежала и бежала, стирая ноги в кровь и отплевываясь от спутанных длинных волос.

Не останавливаясь, она оглянулась и показала трамваю фигу. Чуть притормозила на повороте и, оббежав магазин, вылетела на широкую площадь, полную бессмысленно бредущих куда-то людей. Едва не врезавшись в женщину, она резко затормозила. Трамвай затерялся где-то на подходе, а может, поджидал её с другой стороны площади. И такое бывало не раз.

Люди шли быстро и целенаправленно, все с одинаково напряженными лицами, будто мысленно извлекали из многочленов квадратные корни. Случайных прохожих среди них не было. Её родная деревня вывалилась на улицу чуть ли не полным составом, к ним добавились одноклассники и даже давно позабытые одноклассники. Много людей с самыми разными оттенками задумчивости в глазах. Только у одного мужчины не было лица. Точнее, оно было, когда Славка смотрела на него вскользь, но стоило ей взглянуть прямо, как его голова превращалась в перечёркнутый истеричными помехами экран телевизора. Мужчина всегда появлялся

неожиданно. Славка научилась узнавать его даже со спины – это был её личный кошмар, Чахаох. И появился он не так давно. Он не кричал и не гонялся за ней с топором, не управлял ни одним её сном, просто стоял и смотрел. Нервировал своим присутствием, словно мелкий камешек в ботинке или колкий ярлычок на одежде. Его невмешательство и безразличное наблюдение злили и пугали больше трамвая, эскалатора и подъемного крана, вместе взятых.

Самое неприятное – она не могла вытравить его из своих снов, хотя плела чужие кошмары, словно макраме, не глядя, скорее интуитивно нащупывая дымчатую нить глубинных страхов, поднимая со дна подсознания детские ужасы и безошибочно находя болевые точки.

Чахаох был слабостью Славки, одной из причин, вынуждающих убегать в чужие сны. Он пугал в первую очередь тем, что она не могла его понять и объяснить. Откуда он взялся? Почему она не может рассмотреть его лицо? Будто кто-то его начал стирать, но не дотёр, оставив образ как символ иррационального страха. Славка даже маме о нём не говорила, хотя раньше откровенно делилась всем, что трогало её впечатлительную натуру. Секреты появились не так давно и переехали со Славкой в новый город вместе с глубокомысленными материнскими советами: «Борись за своё, смейся, когда хочется плакать, не доверяй сероглазым мужчинам».

Сон побледнел, по небу пошли трещины. Славка перешла на шаг и, не отрывая взгляда от мужчины без лица, нача-

ла отдаляться. Чахаох стоял неподвижно, но при этом умудрялся по-совиному гибко поворачивать голову и следить за ней отсутствующим лицом. Его пронзительный взгляд скорее чувствовался, потому что глаз как таковых не было.

Трамвай выскочил навстречу и с кровожадным видом ринулся вперед. Славка фыркнула и топнула босой ногой. Плевать на трамвай, скоро она привыкнет к ужасам большого города и металлические уродцы растают как сизый туман, плохо, что вернулся Чахаох. С ним она справиться пока не могла.

1 глава. Солнечный остров

Больше всего Крису хотелось выспаться. В идеале валяться в затемненной комнате дня три, а за дверью пусть хоть цирк, оркестр и цыганский табор одновременно. Как можно в таком состоянии лезть на слэк¹? Не разобьётся, конечно, не та высота, но вполне может покалечиться и заработать россыпь синяков в интересных местах. Аня опять будет выпытывать этимологию ссадин и кровоподтёков. Последнее время она придумала себе новое развлечение – ревность, до некрасивых сцен пока не доходило, но необходимость оправдываться оставляла неприятный осадок. Вообще, это было не в духе Ани, да и он никогда не давал поводов. Не обошлось тут без её закадычных подружек, подозревающих его во всех грехах.

Крис сел на стропу по диагонали и, чуть оттолкнувшись ногой, принялся покачиваться, нарочно растягивая прочный полиэстер. Хоть бы не заснуть на этих импровизированных качелях.

На друга он нарочно не смотрел, по телефону они успели немного поссориться, как раз из-за незапланированной тренировки. Крису пришлось срочно менять планы, в особенности самый главный – отлежать в своей берлоге бока и по-

---

¹ Слэк – эластичная стропы, используется в слэклайне, чаще всего из полиэстера или нейлона.

мять подушкой лицо.

– А если бы я задержался?

– Сам бы выступил. Но эффект был бы другой, – откликнулся Вадим. Виноватым он себя точно не чувствовал. – В паре круче выглядит. Сам знаешь.

Он сел с другой стороны стропы и тоже оттолкнулся ногой. После предварительной натяжки слэка оба покачивались на нём, чтобы потом подтянуть до рабочего состояния. Первую стропу они повесили немного в стороне и уже подтянули до звенящей струны. Две параллельные стропы напоминали рельсы и в неподвижном состоянии действительно выглядели как металлические лезвия – прямые и блестящие. Но, в отличие от каната, стропа была эластичной, пружинила и позволяла делать на ней трюки. Слэклайнеры обычно жутко бесились, если их называли канатоходцами, и тут же принимались рассказывать об отличиях стропы и каната. В самом зрелищном виде слэклайна же не осталось ничего общего с хождением по канату, он скорее напоминал трюки на батуте, да и название имел соответствующее – триклайн. Именно этим видом спорта уже второй год занимался Крис. Выступать в паре с Вадимом он начал не так давно. Больше из любопытства и желания попробовать что-то новое. Попробовал и не пожалел. Наконец-то пригодились его увлечение акробатикой.

– День здоровья уже в субботу. Толком ничего не отрабатываем, раздраженно пробурчал он и резко спрыгнул на траву.

Взявшись за ручку рэтчета², хорошенько натянул стропу и пристегнул хвост натяжителя отдельной страховкой. Бросив взгляд на параллельный слэк, нахмурился.

– Ты чё, трещотку без страховки оставил?

Вадим закатил глаза.

– Душила. Слушай, как ты с такой осторожностью вообще с хайлайном связался? Тут до земли полтора метра.

Крис молча закрепил рэтчет страховкой, проверил, чтобы нигде не было перекрутов, пощупал поворотный шакл³ и подтянул на дереве протектор. Вадим всегда отличался расхлябанностью и торопливостью. Нередко вообще забывал про страховку, объясняя это тем, что высота детская, а стропа выдержит десятерых таких, как он. Но именно рэтчет нёс потенциальную опасность. Сам по себе небольшой, весом немногим больше килограмма, при разрыве короткого хвоста выстреливал с натяжением около тонны. Пока подобных случаев не было, но Крис предпочитал думать, что как раз благодаря осторожности и внимательности слэклайнеров.

Страховкой почти всегда занимался Крис. В хайлайне позволить себе безалаберность было непростительной роскошью. Высота не прощала подобных ошибок. Эту дотошность он перенёс и на «приземлённый» триклайн.

---

² Рэтчет – это шарнирный храповой механизм для натяжения ленты слэклайна.

³ Шакл – крепежное устройство в форме подковы, с поперечным «пальцем»-штифтом на резьбе.

Вадим проследил за действиями Криса и хмыкнул.

– Ты же вроде фри-соло⁴ ходил? Эта дурость похлеще непристёгнутого рэтчета.

Крис взлохматил отросшие за лето волосы и нехотя признался:

– Ходил, но только над водой. И то там, где невысоко, плюс море внизу. Правда, я свалился, когда распечатывал стропу.

Он не стал рассказывать подробности. Сам момент падения даже с небольшой высоты выхолодил внутренности и запомнился до мельчайших подробностей. Словно мозг пытался всё запечатлеть и в последний раз под завязку насытиться картинками. В этом странном ощущении было поровну удовольствия и страха. Он даже немного понял сумасшедших экстремалов, покоряющих хайлайн без страховки. Наверное, ради таких ощущений они и становятся на стропу, зная, что под ними метры бесконечной пустоты и рассчитывать они могут только на себя. Крису хватило падения в воду, адреналин он получал сполна и со страховочным усом.

Вадим вообще не разделял его тяги к хайлайну. И даже порой ревновал к новым друзьям-альпинистам.

– И чего тебе не сидится на земле? Триклайн же круче? Девчонки пищат просто. А там и показать некому. Аня была?

---

⁴ Фри-соло – это альпинистский термин, означающий прохождение маршрута без использования какой-либо страховки.

- Нет, они в Ялте остались.
- Вот, даже перед Анютой не повыделывался.
- Ей не нравится хайлайн.
- Тут я на её стороне.

Три дня назад Крис вернулся из Крыма. Где отдыхал с семьёй и девушкой почти месяц. Это был его хитрый план – совместить долгожданный отдых в Крыму с поездкой к скале Дива. Там расположился знаменитый среди скалолазов короткий каньон, просто созданный для хайлайна. Заготовленные шлямбуры и пробойник остались неиспользованными, с двух сторон уже были разбиты станции, словно их тут ждали. Неделю Крис пропадал в Симеизе, его бы воля, отключил бы и телефон, но Аня звонила, искала его и просила не тратить весь свободный отдых на «чёртов слэк». Рассуждала она почти как Вадим. Триклайн ей нравился за зрелищность и доступность: ради него не требовалось ехать неизвестно куда в поднебесье и искать новые высоты. Стропу можно было натянуть и в парке, и в зале скалодрома. Но Криса тянуло в горы, причем он и сам не мог бы объяснить, чем его так манит высота, наркотическое влияние разреженного воздуха, не иначе.

Даже сейчас, закрывая глаза, Крис видел взволнованную лазурь моря, блестящие кляксы на воде и ощущал на коже плотный солёный ветер. Почему он каждый раз искал новую высоту? Потому что с распечатыванием стропы не сравнится ни одно ощущение. Все остальные проходы, даже личные

рекорды, меркли на фоне этих острых эмоций. Первый шаг, первый вдох – и словно крылья раскрываются за спиной. Ты уже не человек и даже не птица – ветер.

Они одновременно оттолкнулись от земли и встали на параллельные стропы с разных сторон.

– Блин, нужно было сначала посёрфить, потом натягивать, – досадливо вспомнил Вадим.

Крис немного потоптался, стараясь почувствовать ногами непривычно широкую опору. Стропа для хайлайна была в два раза уже, и, если позволяла погода, он ходил босиком. В триклайне не было необходимости разуваться. Там хождения как такового и не было. При выполнении трюков опорой оказывались то руки, то спина, то грудь. Вот и сейчас он не разулся, хотя начало сентября выдалось на редкость душным. Вадим франтил оголённым торсом, нарочно выпендривался перед случайными прохожими и посетителями парка.

Их парное выступление неизменно пользовалось популярностью, иногда появлялись зрители и у тренировок. Вадим всегда был готов к публичности, успевал раздаривать улыбки и подмигивать даже во время выступлений. Крису порой не хватало этой легкости и безбашенности. Вадим постоянно с кем-то флиртовал, дружил даже с преподавателями и имел знакомых в самых неожиданных сферах. Почему-то дружелюбность Вадима частенько переносили на Криса и ожидали от него подобной лёгкости, а он предпочитал отмалчиваться.

Из-за внешнего сходства их порой принимали за братьев. В парных выступлениях они выглядели как отражения друг друга и трюки выполняли удивительно синхронно. Одинаковый рост и телосложение как раз и были залогом этой слаженности. Перескоки и вращения получались идентичными и укладывались в равные промежутки времени. Стриглись они намеренно похоже, правда, за лето Крис отрастил пшеничную шевелюру, заметно исхудал и сильно загорел. Вадим трижды успел напомнить, что из-за Криса их дуэт теперь потеряет притягательную для баб прелесть. Нужно срочно спасать ситуацию.

Крис чуть раскачался, сделал несколько прыжков, чередуя приземления на бёдра и спину, встал на ноги и несколько раз подпрыгнул, привыкая к стропе.

– Повторим старую программу.

– Хорошо. Я, вообще-то, на новое и не рассчитывал, – Вадим прошёл вперед, нарочно изображая неустойчивость, на секунду замер и бросил взгляд над плечом Криса. – Привет!

Крис оглянулся и чуть не потерял равновесие. Слэк зашатался, едва не выскользнул из-под стопы. Чтобы не упасть, Крис спрыгнул на траву и тряхнул головой. Проморгался и растерянно потёр лоб.

По дорожке в нескольких метрах от их поляны шла темно-волосая девушка в свободном, совершенно несовременном платье. Её смоляные непослушные волосы кое-как приминала цветастая косынка, завязанная на затылке. Девушка торо-

пилась, но, услышав приветствие, приостановилась и махнула Вадиму рукой, на Криса даже не посмотрела.

Вадим тоже прыгнул, изобразив двойное вращение в воздухе, приземлился на ноги рядом с Крисом.

– Славка.

– Кто? – глухо отозвался Крис, хотя имя расслышал и с первого раза.

– Её так зовут. Понятия не имею, какое имя полное, может, это вообще кличка. Хотя на пацана она не похожа.

Крис несколько секунд смотрел вслед девушке. Увидел, как она свернула к птичнику, пройдя мимо загородки со страусами, кивнула им так же приветливо, как и Вадиму.

– Она тут работает?

Вадим недоверчиво сощурился, растерянность Криса и его пытливые любопытство не остались незамеченными.

– Прикинь, Петро и Дусе нашли наконец-то персональную прислугу, а заодно и этим мохнатым курам.

Какое-то время птичник был достопримечательностью парка. На парочку страусов приходили поглазеть и дети, и взрослые. Фазаны и цесарки не пользовались таким вниманием, хотя, по мнению Криса, лимонный фазан выглядел привлекательнее, чем экзотичные африканские птицы. Больше всего им подходило определение нелепые. Здоровенные, неуклюжие и явно тупоголовые. Они постоянно клевали загородку, булыжники и ноги друг друга.

Здание птичника напоминало по форме многогранник,

окруженный крытым двором, сетка разделяла его на секторы, каждый из которых имел отдельный вход. Птицы бродили вдоль ограждения, сидели на сухих ветках, изображающих деревья, пытались даже перелетать в соседние загородки и не обращали внимания на назойливых зрителей.

Постепенно поток глазающих иссяк. Если и появлялись желающие посетить птичник, то чаще всего они шли к большой загородке страусов. Обычно за птицами ухаживала пара пенсионеров. Они приходили утром, но иногда кормление совпадало с тренировками в триклайне. Крис привык с ними вежливо здороваться, хотя пожилых людей обычно сторонился и прекрасно понимал почему. Кто-то заикается, испугавшись в детстве собаки, а он боялся стариков. Ему никак не удавалось развить в себе почтительное отношение к старости. Себя он не видел немощным или брезгливо-неопрятным, предпочитал вообще об этом не думать. Вадиму как-то сказал, что после тридцати лет просто шагнет со слэка в пустоту.

С девушкой из кофейного ларька Крис лениво и без удовольствия флиртовал, как сказал Влад, «ровно настолько, чтобы получить дармовой стаканчик капучино», а с мужиком, сдающим в прокат самокаты и велосипеды, беседовал на отвлеченные темы типа политики и переменчивой погоды. Они удобно существовали в этой части парка, словно биоценоз, занимали разные уровни, не конкурировали, но и не особо дружили.

Но эту черноволосую особу с чудным именем он увидел здесь впервые.

Вадим хмыкнул.

– Отомри! Нам ещё фронт флип⁵ отрабатывать.

Но Крис пропустил призыв мимо ушей.

– Ты с ней уже познакомился?

Вадим вернулся к стропе.

– Познакомился, пока ты в Крыму прохлаждался. Она почти месяц тут работает. Первокурсница, кстати, с нашего факультета. Чур, я её забил. Тем более у тебя Анюта есть.

Самого Вадима наличие официальной девушки никогда не останавливало. К третьему курсу он заработал репутацию бабника, и тень этой славы падала на Криса, что осложняло отношения с Аней. А теперь возникла ещё одна проблема. Подруга Ани влюбилась в Вадима и, судя по не случайно обронённым репликам, считала, что дружить вот так вчетвером будет замечательной идеей. Крис эту неведомую Катю даже не видел, а Вадим видел, но не воспылил чувствами.

Крис неосознанно опустил руку в карман и нащупал прохладные игральные кости. Задумчиво перекатил их несколько раз, глухо позвякивая металлическими гранями. Это нехитрое действие всегда его успокаивало и ослабляло натяжение нервов.

Он повторно забрался на стропу, прошёлся до противоположного конца и снова бросил взгляд на птичник. Никак не

---

⁵ Фронт флип – сальто вперед.

мог собраться с мыслями. Спать больше не хотелось, сердце бухало где-то в горле, а в груди поселилось тревожное ощущение, замешанное на жгучей вине и пугливой радости.

Может, Вадим и «забил» Славку, но познакомился с ней не первый.

Пока они тренировались и отрабатывали трюки, она успела покормить птиц, поменять в поильниках воду. Крис прыгал, вращался, вроде погрузился в тренировку с головой, но мельком поглядывал в её сторону. Покончив с обязанностями, она скинула шлепанцы и, сойдя с дорожки, пошла по траве. Босиком.

Вадим перехватил удивлённый взгляд Криса и хмыкнул.

– Она всё время так делает. Наверное, из этих солнцеедов или чудиков, которые с берёзами обнимаются. Вчера она, прикинь, дала пощёчину страусу. Он её клюнул в плечо, она ему выписала оплеуху, а потом прощения просила. Ржач. – Он развернулся и громко позвал: – Славка, иди к нам, хочешь, дабл фронт флип покажем?

Девушка остановилась и пошла в их сторону. Пока она приближалась, Крис молча смотрел на неё, сопоставляя в памяти новую Славку с той босоногой доверчивой и смелой девчонкой, с которой когда-то познакомился в забытой Богом и людьми деревеньке. Все его поездки в Старолисовскую случались против воли, в состоянии злой обиды, полного раздрая или же кипящего гнева. У них было три лета. Три необычных, насыщенных запахами и эмоциями лета, словно

в другой жизни и другой реальности.

В последний раз он видел Славку два года назад. Она практически не изменилась, разве что волосы стали длиннее, а глаза и вовсе превратились в чёрный холодный космос. Он и тогда с трудом переносил её немигающий глянцевоый взгляд, теперь же боялся приговора этих беспощадных глаз. Сейчас она его узнает. Ударит? Убежит? Заплачет? Точно не заплачет. Не в её это духе. Проклянёт. Как ещё может поступить дочка ведьмы?

Пока он размышлял, Славка подошла ближе и, слегка улыбаясь, настороженно кивнула.

– Привет.

– Привет, – выдохнул Крис, ожидая какой угодно реакции, но точно не улыбки.

Славка с опаской отступила и пальцем тронула натянутую стропу.

– Давайте, показывайте своё... э, я не запомнила.

– Двойное сальто вперёд.

Вадим пихнул Криса плечом.

– Ты чё застыл? Опять уснул?

Крис тряхнул головой. Озадаченно потёр лоб.

– Да не выспался просто.

Славка стянула косынку и собрала в небрежный узел волосы, беззастенчиво демонстрируя розовые оттопыренные уши. Крис хорошо помнил эту её черту – лопоухость, но никогда не дразнил. А она, кажется, и не задумывалась, что это

принято считать недостатком. Хотя однажды это стало причиной детских слез. А так её всё в себе устраивало, в том числе «бабушкинские» ситцевые платья, которые она, судя по всему, привезла из родной Старолисовской в город.

Славка озадаченно нахмурилась, сведя к переносице густые брови. Крис обреченно ждал, что сейчас она его пошлёт с цветистыми проклятиями и расцарапает лицо. Но Славка хоть и выглядела растерянной и даже напуганной, явно не планировала нападать.

– Тебе нужен элеутерококк, перечная мята или розмарин. Хорошо бодрят.

Крис невольно улыбнулся. Надо же, она помнит, для чего нужен розмарин, наверное, и про крапиву помнит, и про стручки гледичии. Всё помнит. Только вот его почему-то забыла.

2 глава. Никудышный кроль и Маугли

Первое лето в Старолисовской.

Девять лет назад. Июнь.

Крис покрутил ручку и добавил громкость. Популярная этим летом песня заполнила салон и ударила по ушам. Резко, больно и неприятно.

Григорий Николаевич выключил радио и смерил его недовольным взглядом.

– Давай без этих психов. Ты уже не маленький.

Крис не ответил, отвернулся к окну и уставился на пробегающие мимо тополя. Как удобно. Когда им нужно, он ещё маленький и не должен лезть во взрослые дела! А теперь не маленький и, значит, обязан понять? Что понять? Что на старости лет у родителей крыша поехала? Какой-то бред. Нормально же всё было!

Картинка за стеклом расплылась туманными кляксами, Крис поспешно заморгал, пряча подступившие слёзы. Не хватало ещё нарваться на беседу в духе: ты же мужчина, мужчины не плачут.

Григорий Николаевич снова включил радио, поставив громкость на минимум, сказал чуть мягче.

– Так бывает. Мы с твоей мамой больше друг друга не

любим. Но это не значит, что мы перестали быть вашими родителями. Ничего не изменилось.

Крис едва не вспылал. Не изменилось? Изменилось всё! Он с трудом удержался от крика, нарочно сказал медленно и размеренно:

– А почему тогда Вика и Дарина с мамой, а меня ты везёшь в какую-то глушь?

– Это мы тоже уже обсуждали.

Крис фыркнул и снова насупился.

– Я хочу остаться в Краснодаре.

– У бабушки Веры и так места нет. Куда тебя ещё в однокомнатную квартиру? Побудешь у бабы Любы недели две, может, три, а потом я тебя заберу. Считаю, повезло, что покупатель нашёлся так быстро. Ещё и торговаться не стал.

– Повезло? Это ты называешь «повезло»?

– Ты опять? Всё, хватит. Случилось как случилось. На первое время я найду съёмную квартиру, и ты выберешь, с кем остаться. Дарина и Вика точно предпочтут маму. А ты думай. В Старолисовской у тебя будет полно времени на раздумья, там интернета нет, и связь плохо ловит. Бабе Любе поможешь. Вдруг свежий воздух и игры с местными ребятами подействуют лучше бесполезной акробатики.

Крис тут же вспыхнул. Отец постоянно позорил его за лишний вес и мягкие бока. Крис бесился, можно подумать, он не видел своего отражения. А папа, посмеиваясь, называл его снеговиком и щипал за рыхлый живот, видимо, думал,

что от этого тот мгновенно сдуется. На деле же Крис просто злился ещё сильнее и начинал ненавидеть отца. Акробатика действительно пока не помогала, среди ловких и гибких ребят он ощущал себя ещё более неуклюжим, но упорно посещал занятия. Нет, в похудение от нагрузок он не верил, туда же ходил его единственный друг, Вадим.

Бабу Любу Крис не помнил. Видел её всего один раз в четыре года, когда мама попала в больницу перед родами. Остались смутные и неприятные воспоминания, как после фильма с плохой концовкой. То ли она его наказывала ремнём, то ли заставляла есть болгарский перец и спать в тихий час. А может, и то и другое. Когда мама вернулась из роддома с Даринкой, баба Люба уехала, и больше он её не видел. Папа пару раз в год ездил в Старолисовскую, даже уговаривал бабушку перебраться в город и продать хатку в деревне, но бабуля была непреклонна. По внукам она не скучала, город терпеть не могла и в помощи не нуждалась.

Крис никогда не был в деревне. Раньше много болел, и мама не отпускала его от себя больше чем на пару ней, а уж о том, чтобы сдать на все лето и речи не шло. Как же он без морской воды для промывания носа, каплей от аллергии и капсул рыбьего жира? Помрёт в первый же день.

Дарина и Вика родились с разницей два года. Поначалу Антонина Александровна планировала выйти на работу, но после рождения младшей дочери решила, что роль домохозяйки её вполне устраивает. Своих детей она никому не до-

веряла, лечила с большим старанием и даже удовольствием. Правда, с каждым ребенком усердие истончалось, Вике выпало почти обычное детство. Крису же, как первому ребенку, досталась утомительная обездвиживающая опека и полный сундук запретов.

Впервые он оказался так далеко от мамы. И хотелось бы радоваться свободе, о которой он мечтал, но причина не вызвала восторга. Разводом сейчас никого не удивишь, в классе Криса мало у кого были полные семьи, но он не ожидал, что и в его семье все случится так неоригинально. Сначала родители перестали целоваться и обниматься, зато завели себе другую привычку: подолгу молчать и завтракать отдельно. Потом они развелись, но не разъехались. Несколько месяцев такое сожителство создавало иллюзию нормальной семьи. Крис верил, что всё наладится. Живут же вместе. Никто никуда не уходит. Бабушка Вера называла это «сложным периодом» и осуждающе покачивала головой. Не было ни скандалов, ни ссор. Это, пожалуй, больше всего и пугало. Трагедия должна как-то обозначаться, а тут тишина. Не взрыв, а смерть от удушья.

С продажей квартиры рухнула последняя надежда. Всё уже не будет как раньше. Никогда. В его спальне будет жить какой-нибудь придурок, за их обеденным столом будет собираться придурошная семья и пить свой придурошный чай. Он не знал покупателей, но ненавидел их всей душой, будто это они виноваты в том, что его прежний мир развалился на

острые осколки. С сёстрами он частенько не ладил, но никогда не представлял, что они будут жить отдельно, и уже сейчас скучал по ним, по маме и по прежней скучно-привычной жизни.

На мост, ведущий к деревне, въехали вместе с сумерками. По обеим сторонам от него тускло светились шарообразные фонари, дорога петляла и убегала вперед, пряталась за деревьями. Разнокалиберные домики тонули в пышной зелени. Старолисовская напоминала лес, да она и была лесом, только немного окультуренным. Вскоре асфальтовая дорога сменилась грунтовой, а дома стали попадаться реже, они боязливо выглядывали из-за деревьев, пристально всматривались в чужаков кособокими окнами с деревянными наличниками. Хатки и домики словно выплыли из прошлого вместе со скамейками и кудрявыми липами. Словно воссозданная тематическая деревня, какие порой ставят на День города, но там всё было яркое, броское, как витрина в детском магазине, а здесь всё настоящее, жилое, местами сильно потрепанное и потрескавшееся от времени и непогоды.

Крис нарочно делал вид, что ему ни капли не интересно, но мельком поглядывал в окно. Более или менее прилично выглядел только центр деревни. Правда, вместо привычного асфальта площадь была застелена серыми булыжниками в обрамлении мха. Зелень всех оттенков и фактур отвоевывала каждый миллиметр и без труда побеждала цивилизацию. Крис фыркнул: вот это глушь! Какой интернет? Тут, навер-

ное, колесо ещё не изобрели.

Он проводил взглядом мальчишку на ржавом велосипеде, оглядел стаю деловито бредущих вдоль обочины гусей, заметив прыгающих с ветки на ветку белок, охнул от изумления. На несколько секунд забыл, что ему скучно, обидно и страшно. Отец что-то рассказывал о детстве в Старолисовской, но Крис его почти не слушал, погрузился в обиду, выплил только пару фраз о том, что тут есть развалины дворянского поместья, семь мостов, а лес вокруг дикий и легко заблудиться.

Баба Люба не ждала их и не вышла встречать, пришла со стороны центра, когда они перенесли вещи в дом. Увидев пухлощекоего внука в белой рубашке с отглаженным воротником, недовольно нахмурилась.

– Привёз мне головную боль.

Григорий Николаевич покачал головой.

– Не переживай, он у меня не бандит. Поможет тебе, да, Крис?

Крис с удивлением заметил в папе неприятную перемену, тот словно уменьшился в росте, да и голос почему-то прозвучал тоньше. От него не укрылось, что папа называет собственную маму баба Люба, а тёщу – бабушка Вера. Вроде небольшая разница, но значительная. Да и само слово не очень-то подходило этой женщине. Её можно было бы назвать худой, если бы не круглый «пивной» живот и мускулистые руки. Словно её собрали из запчастей для трех человек,

и двое из них – мужчины. Цветастый халат только усиливал этот гротеск и пугал, как яркая окраска ядовитого насекомого. Крис насупился, снова пожалел, что добрая и мягкая бабушка Вера досталась его сёстрам, а ему это незнакомое недружелюбное существо с мужицкими бицепсами.

Баба Люба поставила корзину на стол, махнула рукой.

– Ужина нет. Если голодные, в холодильнике молоко, в хлебнице пусто. Терпите до завтрака.

Крис промолчал, но надо же было животу заурчать именно в тот момент, когда все затихли. Папа виновато улыбнулся, а баба Люба нахмурила брови и оглядела Криса с ног до головы.

– Тебе завтрак лучше пропустить.

Он растерялся от такой оскорбительной прямоты, но снова промолчал. Мысленно обозвал бабу Любу бабой-ягой и решил, что она ему не нравится. А эти две недели в деревне, видимо, будут худшими в его жизни.

Отведенную ему комнату он не рассматривал, даже вещи не разложил. Спрятавшись за дверью, рухнул на кровать и уставился в потолок. Есть хотелось до рези в животе, голод прогнал сон и усилил обиду. Он уже ненавидел каждую секунду в этой богом забытой Старолисовской. От жалости к самому себе едва не расплакался. Всхлипнул, сердито растер выступившие на глазах слёзы и, уткнувшись в подушку, уснул.

Разбудили его голоса. Судя по солнечным полосам на по-

лу, он ненамеренно последовал совету бабушки и пропустил завтрак. Но не вскочил, хотя есть теперь хотелось ещё больше, нарочно остался лежать, лелея горькую злость. Говорили у его окна. При дневном свете Крис разглядел за стеклом что-то вроде навеса, поэтому солнце не ослепляло, а мягко высвечивало простенькую обстановку комнаты: кровать, древний шкаф с мутным зеркалом на дверце и стол, заваленный старыми книгами.

Под крышей навеса на длинных проволоках болтались странные треугольные конструкции, некоторые из них покрывали кожистые чулки с опушкой по краям. Что это вообще такое, Крис не понял, а потому равнодушно перевел взгляд на затылок папы и прислушался. Говорили о нём.

– ...Максимум месяц.

– Вчера ты говорил, две недели.

Раздался глухой удар, будто треснули палкой по полой тыкве, а потом послышалась ритмичная дробь по жестяной поверхности, будто перестук дождевых капель по крыше, но мельче и с быстрым затуханием. Крис приподнялся на локтях и даже склонил голову, чтобы не упустить ничего из разговора.

– Он тебе не мешает. Десять лет уже. Почти. Парень взрослый, помощник.

Баба Люба саркастично хмыкнула.

– Он-то? Помощник?

– Вот и привлеки его к огороду. Окрепнет, похудеет, – он

на несколько секунд замолчал и добавил с удивлением: – Разве в июне забивают? Полинает же и пересохнет.

– Не мои проблемы, я покупателя предупредила. Но ему срочно надо.

Снова раздались непонятные звуки, похожие на царапание по натянутой ткани. Баба Люба недовольно проворчала:

– Крис... что за имя такое? Иноземное, нечеловечье. Весь в эту вертихвостку прости господи, Тоню твою. Говорила я, ничего хорошего из вашей женитьбы не выйдет.

Крис подскочил, возмущённо и шумно выдохнул. Думал, папа начнёт спорить, но тот почти спокойно согласился:

– Ну, не вышло. Но мы старались. Да и девки у нас хорошие получились.

Крис снова затих, подобрался к самому окну, ждал, что папа про него тоже сейчас добавит, но Григорий Николаевич сказал всё, что планировал.

Послышалась возня, Крис отпрянул от открытого окна и скривился. Потянуло непривычным запахом, солоноватым, насыщенным и металлическим.

Снова заговорила бабушка:

– Уже обед, а он дрыхнет. Хорош помощничек. Ладно, оставляй. Но я его обслуживать не буду. Большой уже, пусть все сам делает.

– Хорошо, заберу его, наверное, в конце июля.

– Ты же сказал месяц!

– Ну, может, немного больше. Ладно, я поехал. Зайду

с ним попрощаюсь. Он, вообще-то, большой любитель поспать.

Крис отошёл от окна. Едва лёг в кровать, как послышался скрип половиц. Он нарочно накрылся покрывалом и отвернулся лицом к стене. Открылась дверь, прошуршали шаги, намеренно приглушенные. Григорий Николаевич на несколько секунд остановился.

– Кристиан? Ты спишь?

Крис не спал, из последних сил сдерживал всхлипы, в глазах щипало от обиды и злости. Отец постоял ещё немного, погладил его по плечу и по растрёпанным волосам, ещё влажным и теплым после сна. Больше не звал и даже не тормозил. Видимо, решил не будить. Снова послышались шаги, в обратную сторону. Крис не успел определиться, стоит ли вообще выходить и прощаться с папой, как раздался звук двигателя. Всё уже решили за него.

Крис вскочил, отбросив покрывало прямо на пол. Сначала ринулся к двери, но потом замер и даже оттолкнул приоткрытую створку. Кинулся к окну, но и там застыл в нерешительности. Кого звать? Зачем? Папа уже уехал, явно торопился, чтобы не пришлось объясняться или, ещё хуже, отбиваться от просьб не оставлять его в деревне. Если бы Крис и выбежал на улицу, то стоял бы на дороге, глотая клубы пыли вперемешку со слезами. Он так ярко представил себе эту картину, что едва не расплакался. Снова нахлынула жгучая обида. Хотелось реветь и топтать ногами, как в детстве. Да

только пожалеть его было некому.

Он снова вернулся на кровать и накрылся с головой. Лежал долго, прислушивался к шагам и шорохам. Бабушка не торопилась его будить, словно вообще забыла о его существовании. А как же завтрак? Живот снова свело голодной судорогой.

Он встал, стянул с себя помятую одежду и вынул свежую рубашку из сумки. Она тоже слегка измялась, но пахла приятно.

Приоткрыв дверь, тихо позвал:

– Бабушка... Люба? – он запнулся. Язык сопротивлялся, не хотел называть эту странную и неприятную женщину «бабушкой», но и «бабой» не позволяло воспитание.

Дом ответил тишиной. Крис уже смелее вышел из комнаты и сразу же направился в кухню. То, что его никто не будет кормить обедом из трёх блюд, он уже понял, но, видимо, и завтрак он должен добыть самостоятельно. Первым делом он нашел кран, умылся, почистил зубы, пригладил торчащие во все стороны волосы. Мама хвалила его за чистоплотность и ставила в пример безалаберным вечно взлохмаченным сестрам. Его привычку менять одежду, едва там появлялось крохотное пятнышко, и постоянно купаться папа называл пижонством. Крис не особенно понимал, что это значит, но, судя по интонации, ничего хорошего.

В холодильнике он нашёл кусок сала, целую чашку сырых яиц и алюминиевую кастрюлю с гречкой. На столе у окна об-

наружилась литровая банка с пышным пучком укропа и накрытый марлей кусок жёлтого сыра. Он с тоской вспомнил румяные оладьи на завтрак и дымящуюся миску горячей овсянки с клубничным вареньем. Гречку он проигнорировал, отрезал кусок сыра и запил тёплой водой из чайника.

Шагов Крис не услышал, чуть не выронил кружку, когда за его спиной раздался голос:

– Чем они тебя кормили? Снеговик какой-то.

Крис развернулся, увидел бабу Любу и невольно отступил. Очень уж недружелюбным показался её взгляд. Да она и не скрывала, что его присутствие ей в тягость и совсем не радует.

– Доброе утро.

Она поставила на пол ведро, полное пупырчатых мелких огурцов.

– День уже. Не кусочничай, ешь гречку.

– Я не люблю гречку.

– Твои проблемы. Два дня у нас будет гречка. Если хочешь что-то другое, готовь сам. Мне некогда.

– Я не умею готовить.

Баба Люба не произнесла, но Крис словно прочитал по лицу её любимую фразу «это твои проблемы».

– Огурцы не трогай, это на закатку. Собери клубнику. Чашку возмёшь у сарая. – Она на секунду задумалась и добавила: – Вечером в лес не лезь, заблудишься. Если увидишь Маугли, шугани как следует. Нечего у меня курей воровать!

Посчитав инструкции исчерпывающими, она снова ушла. Крис так и остался стоять со ртом, полным вопросов. Он не знал, куда направилась баба Люба, возможно, на работу. По дороге в ссылку папа рассказывал, где она работает и кем, но Крис был слишком занят своей злостью, многое пропустил мимо ушей. Кто такой Маугли и где взять чашку?

Съев ещё один кусок сыра, он вымыл огурец и вышел во двор. Обойдя дом, убедился, что забора как такового нет. Есть калитка с деревянной крышей и невысокий штакетник со стороны дороги, а дальше только хаотично разбросанные хозяйственные постройки и деревья. Много деревьев, плавно перетекающих в прореженный лес из шелковицы и акации. Вчера, когда они ехали по кривым улицам, встречались дома вообще без заборов. Это было так странно и непривычно. Местные деревенские не пытались отгородиться от соседей и не прятались. Хотя обильная растительность и без заборов прекрасно справлялась с маскировкой.

Раскидистую черешню на задней части двора опоясывала кривая сетка-рабица. Крис удивился неуместному ограждению, но быстро понял причину. В тени дерева сновали юркие мохнатые зверушки. Крис насчитал около пятнадцати взрослых кроликов и выводок разноцветной малышни. Они зарывались в норы и хрустели капустными листьями. Не таились, с любопытством поглядывали в сторону Криса. Он зачарованно наблюдал за самыми мелкими крольчатами, напоминающими котят. Интересно, разрешит баба Люба их погладить?

В их школе в уголке натуралиста тоже был кролик, замученный любвеобильной малышнёй, а потому вечно сонный и ленивый. Но за возможность его потискать шли нешуточные бои. А тут ничейные юркие зайчата. Тискай – не хочу!

Крис обернулся и печально вздохнул. У кроличьей загородки начинались грядки с клубникой, справа их подпирала сетка птичника. Клубничные ряды терялись в зарослях крапивы, на удивление высокой, практически древовидной. Видимо, бабушке она не мешала, или же она её нарочно разводила в таких количествах. Собирать клубнику у кусачих кустов он точно не будет, щупал их как-то в детстве, остались не самые приятные впечатления и пупырчатые последствия.

Клубника его удивила. Из-под листьев выглядывали пухлые розовые и красные ягоды, но большая часть успешно пряталась в пышной зелени. Он, конечно, знал, как она растёт, не в пустыне родился, но раньше не приходилось собирать. Обычно мама покупала аккуратные лукошки на рынке, любезно кем-то собранные. Судя по размеру плантации, он тут застрянет надолго.

Зажав огурец во рту, Крис закатал рукава белой рубашки и ту же затянул ремень на брюках. Может, когда он соберёт ягоды, баба Люба подobreет и сделает вареников или пирожков с клубникой? У бабушки Веры они хорошо получались. Он направился к уличному крану и принялся перебирать стопку старых алюминиевых чашек. То и дело поглядывал на оцинкованный таз с розовой мутной водой, стоящий

чуть в стороне. Над ним вились крупные мухи. Крис принюхался, из-за сарая немного тянуло мертвечиной, но он там уже бродил и ничего, что могло бы так вонять, не обнаружил. На всякий случай проговорил:

– Плюнь три раза, не моя зараза, не папина, не мамина, не всех моих родных.

Выбрав самую новую на вид чашку, нехотя поплёлся к клубничным грядкам. Рядки спутались усами и затянули междурядья молодыми побегами. Первые ягоды Крис съел, предварительно вымыв под уличным краном. Есть всё равно хотелось, и чем больше он об этом думал, тем больше урчал недовольный живот.

Клубника, к сожалению, хорошо уродилась. Через пару часов две полные чашки уже стояли на небольшом утоптанном пятачке у крана, прикрылось ягодами дно и на третьей, судя по всему, не последней. Солнце жарко покусывало затылок и шею, рубашка прилипла к спине, а воротник натёр кожу жёстким краем.

– Баба Люба тебя убьёт.

Крис на секунду замер, не сразу сообразил, откуда голос, только потом развернулся к дому.

На дорожке из жёлтого песчаника стоял худой, сутулый, до черноты загоревший мальчишка и жевал кусок хлеба. Он ткнул пальцем в сторону чашек с клубникой и повторил:

– Баба Люба тебя убьёт.

Крис выпрямился и смахнул со лба светлую чёлку.

– Почему?

Он и с первого раза расслышал угрозу, но не мог понять, за что его убивать? Он собрал почти три чашки клубники, жутко устал, разве не похвалу в итоге заслужил? Может, хотя бы нормальный горячий ужин?

– Куда её без хвостов, такую мятую? Только в варенье или компот.

– А надо куда?

Мальчишка подошел ближе, и Крис почувствовал запах свежего хлеба с маслом, а потом и заметил блестящие щёки нового знакомого. Ел он не очень аккуратно, да и выглядел как настоящий деревенщина. Растрескавшиеся шлёпанцы были ему явно велики на пару размеров, воротник футболки обтрепался от регулярных стирок и пыжился гармошкой вокруг худой шеи, придавая схожести с детенышем грифона.

Он снова с большим наслаждением куснул батон и, не прожевав, пояснил:

– На продажу. А эту не продать.

Крис тяжело сглотнул, невольно приняхиваясь к нехитрому десерту. Сливочное масло так одуряюще пахло и аппетитно желтело на хрустящей корочке хлеба.

– Я не знал. Ты кто такой вообще?

– Витёк, сосед, – он небрежно отёр руку о шорты и протянул для пожатия. – Хочешь хлеба? Мама только утром испекла.

Крис сначала хотел отказаться, очень уж неряшливо выглядел новый знакомый. Но, несмотря на съеденную клубнику, чувство голода не пропало, а время обеда давно прошло.

– Хочу, – Крис подал руку и назвал свое имя.

Витёк засмеялся, демонстрируя пережёванный хлеб.

– Кто?

– Крис, – с нажимом повторило он. – Кристиан.

– Кристинка, – снова рассмеялся Витёк. – Девчачье имя.

Ты что тут делаешь?

Крис с трудом успокоил дыхание. Чувствовал, что щёки горят, но не хотел показывать, как задело его это коверканье имени.

– Я внук бабы Любы.

– Что-то я тебя тут раньше не видел.

– А я раньше и не приезжал.

– Не повезло тебе.

– Почему?

Витёк на мгновение задумался и выпалил прямо:

– Она злая. Я её иногда боюсь даже больше, чем Зофью.

– Кого?

Сосед не услышал вопроса, развернулся и пошёл по дорожке, через пару шагов оглянувшись:

– Ты идешь? Мама ещё котлеты принесла в подливке и пюре. Правда, она холодная.

Крис пошёл следом, хотя предпочитал не есть в незнакомых домах приготовленное неизвестными людьми. В гостях

неприметно протирал салфетками вилки и пил чай с середины кружки, напротив ручки. Никому не говорил о своей обострённой брезгливости, подозревая, что над ним посмеются. Ему проще было отказаться, чем объяснять, что не так. В столовой он не ел, после того как в какао попался кусок огурца, а в котлете что-то похожее на человеческий зуб. Пришлось вымаливать у педиатра справку и вместо сбалансированного школьного питания есть булочки и сок, приносимые с собой. Крис терпеть не мог популярные у одноклассников «рвотные» стишки типа: «кожу с черепа снимаем, теплым гноем запиваем». Это было совсем не круто, так ярко реагировать на отвратные рифмы, попадало в разряд «слабак и девчонка». Перестав ходить в столовую, он обезопасил себя от их специфического творчества.

Даринка единственная заметила его гадливость и порой нарочно подшучивала, а иногда ставила в неловкое положение перед родителями. Крис никогда не ел с ложки или вилки, которой кто-то уже касался. Даже если мама просто проверяла, горячий ли суп, из его тарелки, он потом наливал новую порцию. Хуже всего дело обстояло с салатом. В их семье чаще всего ели овощи из общей салатницы своими вилками, могли собрать сок со дна миски куском хлеба. В таком случае салат для Криса был потерян. Поэтому он торопился положить себе немного в тарелку, до того как все начинали лезть туда своими приборами. Но тут появлялась другая проблема. Крис не любил, когда блюда в тарелке смешива-

лись. Особенно подлива от мяса и сок от салата. Никто в их семье больше не мучился такими пищевыми привычками, судя по всему, их всё устраивало.

Он и сейчас шёл, заранее обдумывая, сможет ли есть незнакомую «холодную пюреху», которую неизвестно откуда принесли.

Витёк обогнул загородку с курами, прошел мимо смородиновых кустов и оказался в соседском дворе. Уже на ступеньках, вытирая грязные ноги о мокрое полотенце на входе, пояснил:

– Мама в столовой работает, приносит по мелочи. Но Любовь Ильинична, баба Люба твоя, всё равно вопит и стыдит за каждый кусок масла. Хотя сама в столовке работает. Правда, не поваром, а бухгалтером, наверное, даже спички оттуда не приносила. Главе-то, конечно, это выгодно, она для него старается. В него все бабули местные втюрились. Ну, кроме Зофьи, конечно.

Крис не пытался запоминать, кто и кому тут приходится. Его бабушку, судя по всему, в деревне не очень любили, и для него не стало секретом почему. Она напоминала одновременно директора школы, папиного начальника и мрачный памятник в сквере, вечно обгаженный голубями. И кто такая эта Зофья, которая уже дважды всплыла в разговоре?

В доме у Витька приятно пахло выпечкой и цветами. Несмотря на скромные размеры кухни, она казалась ухоженной и чистой, кружки изнутри не выстилал чайный налёт, а

к ногам не липли крошки. Крис успокоился и решил, что тут вполне сможет поесть. «Пюреху» подогрели на сковороде, зажарив нижний слой до коричневого блина. Крис не отказался от куска хлеба с маслом и сахаром, хотя никогда раньше не ел такого лакомства. Бутерброд он делал сам. Вынужденная диета хоть и притупила привередливость, грязным рукам Витька он не доверял.

Убрав со стола, они вышли на крыльцо. Витёк поднял с травы длинную ровную палку, у сарая нашёл черенок от лопаты и протянул Крису.

– Пойдем играть в «Пекаря». Пацаны уже у колонки собираются.

Крис сразу согласился, хотя название игры его насторожило. Что они будут делать? Готовить? Вроде выросли уже, чтобы лепить пироги из грязи. Да и какая грязь? Дождя давно не было.

– Дай я только переоденусь.

Витёк оглядел его неуместную белую рубашку и согласился.

– Да, надо.

– Только я утюг не нашёл, не знаю, как погладить. В сумке всё помялось, наверное.

– Ты, блин, как на первое сентября вырядился. Есть у тебя шорты, футболка, нормальное что-нибудь?

Крис задумался, сумку собирала мама, она больше всего любила рубашки, да и говорила, что ему не пойдут трико-

тажные футболки. А вот льняные рубашки – самое то. И свободно, и для кожи полезно. Футболки, скорее всего, были на дне, как запасная одежда на всякий случай.

– Ладно, я так пойду. Что за «Пекарь»?

Зря Крис переживал. Несмотря на название, ничего кулинарного в этом развлечении не было. Суть игры он понял сразу, Витёк объяснил, попутно вычерчивая линии в дорожной пыли. В тридцати метрах от колонки на кирпич поставили пустую консервную банку из-под сгущёнки. Банка – цель, которую следовало сшибать палкой. Что-то вроде городков, но с военной спецификой. Всё просто, сбивай себе и двигайся от черты к черте, повышая ранг.

С первой черты бросать было сложнее всего, и всё же получалось у всех, кроме Криса. Над следующей линией криво написали букву «О», что означало офицер, всего пять подобных ступеней, последняя находилась в трёх метрах от банки и обозначалась буквой «М» – маршал. Крис и не мечтал добраться до маршала, все ушли вперёд, а он всё сидел в солдатах. Один-единственный.

Но попасть палкой оказалось не самым сложным. Когда-то кто-то сбивал банку, нужно было бежать за своей палкой и забрать её, пока охранник, Пекарь, не поставил банку на место. Если не успевал, предстояло побороться за возможность вернуться к своей линии, а для этого – отфутболить банку как можно дальше.

Воевали палками, тыкали в кирпич и орудия соперников.

Больше всех доставалось Пекарю. На него нападали всей толпой, пытались отвлечь и заставить покинуть пост. Естественно, Крис в первую же вылазку за палкой убежать не успел. Но над ним сжалились и разрешили вернуться в солдаты. Всё-таки он ещё не запомнил правила, да и играл впервые.

Витёк на ходу игры познакомил его с местными ребятами – такими же пыльными и немного лохматыми. Причём оказалось, что один из них – девчонка и Машук – это не прозвище, а урезанное имя. Машка была приезжая, как Крис, но не новенькая. Её сдавали бабушке каждое лето, начиная с трёх лет. Неудивительно, что он принял её за мальчишку. Худющая, длиннющая и короткостриженная. Её тощая шея перетекала в маленькую голову с узким лицом. Ничего в ней не выпячивалось и не имело изгибов. Больше всего она напоминала путевой костыль с единственной выступающей частью – лохматой чёлкой. Чуть позже Крис узнал, что она приходится двоюродной сестрой одному из ребят, собственно, его родителям её и сдавали до конца августа. Несмотря на бесполый облик новой знакомой, Крис проигнорировал кличку и называл девчонку Машей.

Все имена Крис запомнил сразу. Приняли его дружелюбно, но удивились, узнав, что он старше большинства в компании. Пухлощекость превращала его в ребёнка-переростка. Он уже перешел в пятый класс, они же ещё барахтались в начальной школе. Только Коля, самый рослый и проворный, оказался старше на два года и выделялся из разношерстной

компании проклянувшимся басом. По имени его никто не называл, хотя он представился именно так. Остальные называли его Джек, как объяснил Витёк, из-за изуродованного собакой левого глаза. Глаз сильно косил, а бровь испещрили полосы шрамов, веко выглядело пожёванным. Крис старался не таращиться на Джека слишком уж откровенно, хотя очень хотелось рассмотреть едва не откушенную часть лица.

По комплекции Колю догонял Миха – увалень с добродушной улыбкой и суетливо-виноватым взглядом. Крис решил, что с ним он вполне мог бы подружиться. Миха выглядел более окультуренным и воспитанным.

Ребята подшучивали над Крисом беззлобно, он даже решил, что ссылка на край света будет не такой уж и ужасной, но потом они начали перекривлять его имя. Крис, как обычно, вспыхнул и едва сумел погасить в себе горючую злость. Он терпеть не мог, когда видоизменяли его имя или фамилию, хотя сам частенько говорил, что переменит и то и другое, когда ему исполнится четырнадцать. Мама явно не понимала, на что обрекает его, давая такое непопулярное для русских широт имя.

Витёк поторопился перевести разговор на другую тему.

– А чё ты раньше к бабе Любе не приезжал?

– Не хотел, – не раздумывая солгал Крис.

– Бабке сдали на лето? – встрял Джек. – Видимо, что-то натворил.

– Ничего я не натворил. Просто... – он на секунду замялся

и поторопился отвести взгляд от косого глаза, – родителям нужно было далеко уехать.

– Куда это? – Джек явно искал, к чему ещё придраться. Городских он терпеть не мог, хотя сам в этом никогда бы не признался.

– Папа у меня дипломат, а мама актриса. У неё съёмки в южной Африке.

– Фигасе! Африка! Дипломат.

Крис уверенно кивнул.

– Они заберут меня через месяц, – с нескрываемой надеждой в голосе сказал он. И правда веря, что заберут.

Снова все бросили палки, банка отлетела куда-то в заросли придорожного конского щавеля. Пока Пекарь её искал, все, даже Крис, успели вернуться к своим линиям, рядом с отметкой «солдат» встал Джек, он уже пошёл по второму кругу и снисходительно поглядывал на других неудачников.

Пекарь вернулся из кустов озадаченный. Пока шёл, всё время оглядывался на заросли бурьяна.

– Там, кажется, Маугли.

– Ещё там? – заинтересовался Миха, но при этом в его глазах промелькнул страх.

Крис прислушался. Баба Люба тоже упоминала какого-то Маугли.

– Кто это? Местный... дурачок?

– Скорее дурочка, – ляпнул Витёк.

Мальчишки тут же принялись воровато оглядываться.

Миха ткнул Витька в бок и предупреждающе сдвинул брови.

– Славка.

– Так дурочка или дурачок?

Теперь уже зашикали на Криса.

– Дочка ведьмы.

– Ведьмы? Вы серьёзно?

– Зря смеёшься.

Машка понизила голос:

– Мы её как-то обзывали, больше шутили, она психанула и плюнула Джеку в лицо. Попала в щёку, а на следующий день у него огромный флюс вздулся, пришлось зуб рвать.

Витёк кивнул и добавил:

– А дядя Вася как-то в неё початком кукурузы бросил за то, что она у него кур повадилась воровать. Она на него фыркнула, что-то прошептала, а после этого он начал ночами бродить по деревне. Лунатиком стал. Даже на площади у музея его один раз поймали, а потом он чуть с крыши сарая не упал. На краю разбудили. Так бы свалился точно.

– А помнишь, мы сказали, что её батя леший или водяной, – Джек многозначительно хмыкнул, сказал это именно он, на уроке математике нынче весной, – а через день заблудились на развалинах. Хотя знаем там каждый куст.

Крис недоверчиво приподнял брови:

– И что?

– Как что? Это Маугли наколдовала.

Крис не знал, как реагировать на их слова. Может, они

шутят, а он уши развесил. Но Миха и Витёк точно не изображали страх. На всякий случай он включился в игру. Если что, скажет, что тоже притворился.

– То есть с ней лучше не дружить?

– Дружить? С ней лучше вообще не общаться. Это как дружить с белкой или деревом. Мама говорит: она себе на уме. Её воспитали бурундуки и сосны. Натуральный Маугли.

– Сколько ей лет вообще?

– Так с Джеком в одном классе учатся, но она на два года младше вроде. Десять.

Несколько секунд постояли, постукивая палками и поднимая пыль. Витёк снова ушёл к банке, и игра продолжилась.

Все бросили палки, Крис зазевался и ринулся бежать, когда борьба с Пекарем уже кипела. Коля подцепил банку концом черенка, она снова улетела, и все бросились врассыпную, но Крис не успел преодолеть линию маршала и рассеянно застыл у кирпича.

Джек победоносно вскинул свою палку.

– О, вечный Пекарь нарисовался!

– Давай, Крыс, защищай свою норку, – съязвила Машка.

– Крис, – уже в пятый раз поправил он. В этот момент он решил, что зря был так великодушен и не переделал её имя как-нибудь обидно. Она-то явно не страдала муками совести.

– А точно. Кр-и-ы-ыс.

Крис бросил на Машку взгляд исподлобья, а она показала

ему язык.

Джек не ошибся, а может, и напроорочил, Крис действительно задержался в охранниках банки до самых сумерек. Даже Машка, что было обиднее всего, играла намного лучше него. Орудовала палкой ловко и бегала быстро. Била Криса нарочито безжалостно и даже не извинялась. Перед тем как ребят начали звать домой на ужин, она ткнула Криса торцом палки в губу. Сначала ему показалось, что во рту взорвалась петарда и раскрошила челюсти в труху, раскидав зубы, как зёрнышки граната. Губа лопнула от удара и сразу же распухла, как ожоговый волдырь. Это было очень больно и очень обидно. Крис побелел и зашатался, но палку не выпустил, продолжил воевать с генералами и маршалами за право вернуться в солдаты и продолжить военную карьеру. То и дело ощупывал языком зубы и вспухшую солоноватую губу.

Витёк бросил на Криса короткий взгляд и споткнулся. Тут же не сильно получил от него палкой по спине и вскинул руки.

– Запекарил!

Крис едва не завизжал от радости. Гораздо позже, прокручивая в голове этот момент, догадался, что Витёк просто его спас. Тогда же он был готов метать черенок лопаты до победного маршала, даже если ему снова предстояло стать Пекарем.

В быстро сгустившихся сумерках банка едва виднелась. Ребята начали расходиться, но Джек явно не торопился, а

Витёк имитировал его равнодушную самоуверенность: типа ему тоже никуда не надо торопиться. Правда, стоило ему увидеть вдалеке тёмный силуэт, он тут же засуетился:

– Всё, мне пора. Завтра утром увидимся. Хотя нет, завтра я маме обещал помочь картоху прополоть. А потом можно и в «Пекаря». – Он снова воровато оглянулся и добавил: – Всё-таки она тебя убьёт.

Крис тоже оглянулся, теперь и он узнал в силуэте бабу Любу.

Убить его она не убила, но ругала сильно. Начала ещё на улице в присутствии Джека. Тот откровенно подслушивал и даже ухмылялся. Чужое унижение приносило ему удовольствие. Крису сразу же досталось несколько подзатыльников за грязные вещи и разбитую губу. А дома он получил и за неправильно собранную клубнику. Баба Люба не стеснялась в выражениях, соседи точно слышали громкую и низкую оценку умственных способностей Криса, поэтому, несмотря на жажду вечерней прохлады, прикрыли окна. Если где-то там в лесу бегала Маугли, тоже наверняка слышала, какой он «тупица, идиот, глаза бы его не видели!»

Крис выслушал всё с поразительным спокойствием, хотя единственное, о чем он думал, стоя под градом оскорблений, что ненавидит Бабу Любу и сбежит из чёртовой Старолисовской, завтра же. Может, в этот самый треклятый лес.

Кормить его точно никто не собирался, баба Люба не предложила даже холодную гречку с салом. А Крис не стал

просить. Хотел гордо удалиться, но вспомнил про душ. Баба Люба оглядела его пыльную, ещё утром белую рубашку в пятнах подсохшей крови и грязные брюки.

– Изгваздался, как свинья. Завтра же всё постираешь.

Крис молча кивнул, он ещё не знал, что стиральной машинки тоже нет, в этот момент его больше интересовала возможность помыться. Но оказалось, в доме нет ни ванной комнаты, ни центрального отопления, только кран с холодной водой на кухне.

Крис побрел во двор. В рассеянном свете луны под уличным краном кое-как обмыл ноги, намылил шею и лицо. Холодная вода казалась студёной и плохо мылилась. Июньский вечер мало подходил для купания, скорее для закаливания. Намочив грязную рубашку, Крис обтёрся ею, постукивая от озноба зубами. Вернувшись в дом, он прошёл мимо бабы Любы и, не пожелав спокойной ночи, закрылся в выделенной ему комнате.

Засыпая, он прокручивал в голове дневные события: сбор клубники, запоздалый, но очень вкусный обед у Витька, игру в «Пекаря», агрессивность Машки, а потом и наказание от бабы Любы. Совершенно незаслуженное наказание. Крис всхлипнул, от злости и обиды горло снова сжало спазмом. Как просто она отпустила его спать голодным. Он весь день ковырялся на грядках и не заслужил даже яичницу. Чёртову яичницу! Из двух, нет, трёх яиц, с жидким желтком, но без «соплей», можно с помидорками и колбаской... от ярко-

сти нарисовавшейся картинки Крис застонал. Неужели его так и будут кормить? Да он с голоду окочурится уже к выходным. Раньше он не представлял, что бабушки бывают такие неправильные. Бабу Любу и бабушкой-то тяжело было назвать. Хорошо, что у Витька он узнал её отчество – Ильинична. Так что никакая она ему не родственница, а посторонняя женщина, бухгалтерша Любовь Ильинична.

Может, уйти в лес? Вряд ли она заметит его отсутствие. Хотя нет, заметит и обрадуется. Крис лёг на бок, обхватив себя руками, долго смотрел в окно, стараясь не обращать внимания на урчание в животе.

Когда он проснулся, баба Люба ещё не ушла. Крис достал из сумки свежие вещи, нехотя натянул на потное тело с разводами вчерашней грязи. В темноте ему казалось, что он вымылся вполне прилично, но при дневном свете напоминал бродягу.

На кухню он вошел крадучись, прислушиваясь к звукам. Баба Люба бросила на него сердитый взгляд и плеснула в кружку молоко.

– Трубочист проснулся. Это тебе не Краснодар. Если хочешь в теплой воде мыться, то грей чайник или днем ставь таз на солнце, – она подвинула кружку. – Пей.

– Я не люблю молоко.

– Пей, я сказала! Выискался тут привереда. Это не ем, это не пью. Дел у меня больше нет, нянчиться с тобой. Подкинули на мою голову.

– Гречка ещё осталась?

– Курам отдала. Есть сыр и пирог с крапивой.

– С чем?

Баба Люба не ответила, бросила взгляд на настенные часы и двинулась к выходу. У дверей остановилась.

– Черешню собери, а то воробьи поклюют. Только с хвостиками, не как клубнику. Я вернусь вечером, после работы ещё на поле буду кукурузу полоть.

Крис не стал пить молоко, налил себе чаю и попробовал диковинный пирог с крапивой. Он не знал, с чем сравнить этот странный вкус. Такого он точно раньше не ел. Крапива оказалась сладкой, как варенье, и мягкой, как разваренный щавель.

Первым делом он отнёс вещи к уличному крану, набрал в жестяной таз воды и оттащил его на солнечный пяточок у птичьей загородки. Куры громко кудахтали и суетливо били крыльями, один из петухов гонялся за несушками по всей площадке, создавая переполох. Вчерашние вещи Крис повесил на край забора, решив постирать сразу после купания. Может, он на черешне вымарается ещё сильнее, да и вода пока холодная.

Странно, но начало июня в Старолисовской ощущалось гораздо прохладнее, чем в Краснодаре, а уж вечер можно было назвать освежающе студёным. Со стороны леса тянуло насыщенной сыростью. Крис вспомнил, что деревню огибает река с чудным названием Капиляпа, возможно, этой мороз-

ной прохладой деревня обязана именно реке. Вчера Витёк его пугал местными страшилками, якобы в речке плавают трупы приезжих детей, которых топят местная ведьма. Они выходят из воды в полнолуние и ищут незапертые двери. А холодно так, потому что они выдыхают болотный мёртвый воздух. Витёк ещё успел рассказать про призрак Мёртвой девы, но как только появился Миха, замолчал. Крис так и не узнал подробностей. Если сегодня увидит соседа, обязательно расспросит.

Взяв ведро, Крис направился к сетчатой загородке с кроликами, черешня как раз росла посередине и накрывала тенью почти всю территорию крольчатника. Стоило скрипнуть калитке, зверьки кинулись в стороны, словно раскатившиеся по полу бусины, и тут же попрятались в норах. Выбрались, только когда Крис забрался на нижнюю толстую ветку. Лазить по деревьям ему не приходилось. Если бы ветка находилась чуть выше, осталась бы баба Люба без черешни. Древолаз из Криса получился неуклюжий и шумно сопящий. Отдышавшись, он одернул задравшуюся рубашку и оглядел спелые ягоды. Дерево словно протягивало их, умоляя освободить прогнувшиеся ветки от тяжелого изобилия.

Крупная, желтая черешня с розовыми боками напоминала скорее сливы, на вкус оказалась почти приторной и прозрачной, как мёд. Собрав полное ведро, Крис сел на ветку и спустил вниз ноги. Он устал и вспотел, снова проснулся утомительный голод. Он даже от молока бы сейчас не отка-

зался, но категорически запретил себе его пить. Сказал, не любит, значит, не любит.

Он бросил взгляд на соседский двор: судя по всему, Витёк ушёл пропалывать неведомую картоху, а значит, вкусного обеда ему не видать. Внизу зашуршали кролики. Пока Крис сидел на дереве, они осмелели и выбрались на поверхность. Перебегали от норы к норе суетливо и быстро, будто играли в «Выше ножки от земли» и спешили занять безопасное место. В отличие от взрослых кроликов, малыши почти не прятались. Крис наблюдал за ними с радостным изумлением. Некоторым дал имена, задумал поймать хотя бы одного и потискать.

А вдруг мама разрешит взять крольчонка домой? Держат же кроликов в квартире, как домашних питомцев. Не успев дофантазировать, Крис застыл, пораженный неприятным воспоминанием: неизвестно еще, где будет его дом, когда он вернётся в Краснодар.

Закончив с черешней, Крис отнёс два полных ведра на кухню и вернулся к тазу. Пощупал воду и убедился, что она уже прогрелась. Раздевшись до трусов, он повесил чистые вещи на край сетчатой загородки, а грязные сложил кучкой на пенёк, сверху водрузил кусок корявого потрескавшегося мыла. Баба Люба выдала этот брусок ещё вчера специально для стирки и назвала его «хозяйственным». Мыло напоминало обрубок дерева и не внушало надежды, что им вообще что-то можно отстирать. Казалось, что его самого не мешало

бы вымыть.

По размеру, да и по форме, таз напоминал детскую ванночку, в которой не так давно купалась его младшая сестра. Пару лет эта ванна висела на балконе, а потом куда-то пропала. Крис не задумывался, куда девалась их детская одежда и игрушки, когда они из них вырастали. Но перед исчезновением всё сначала пылилось на балконе – своеобразный перевалочный пункт, а может, телепорт в сказочный мир забытых и ненужных вещей.

Крис сел в воду и согнул ноги. Несколько секунд молча разглядывал три белые складки на животе, сильно увеличившиеся от нелепой позы. Как вообще в этом тазу можно нормально мыться, да ещё в таком положении? Между разведённых ног образовалась небольшая заводь. Он сложил ладони лодочкой и, набирая в них воду, принялся плескать на плечи и живот. Чувствовал себя до безобразия нелепо, хорошо, что его скрывали заросли крапивы и курятник. Вода быстро помутнела, после такого полоскания её стало заметно меньше. Из кучи грязных вещей Крис вытянул рубашку. Намывив кровавые разводы, окунул ткань в воду. Пятна чуть побледнели, но не отстирались. Крис чуть привстал, чтобы снова взять мыло, но, услышав шорох, замер в нелепой позе.

Внимательно осмотрев заросли крапивы, он медленно перевел взгляд на загородку для кур и плюхнулся в таз, стыдливо прикрывшись мокрой рубашкой. У сетчатой калитки стояла девчонка. Высокая, растрёпанная и босая. Волосы,

небрежно скрученные в жгут, лежали на её плече, словно толстая лохматая змея. Из косы то тут, то там торчали пятнистые чёрно-белые перья. Полуденное солнце висело за спиной незнакомки и очерчивало её золотистым абрисом, затеняя черты лица и пронзая розовым светом оттопыренные круглые уши.

Она стояла абсолютно неподвижно, оттого развевающееся на ветру легкое платье и перья в волосах выглядели ещё более диковинно. Крис тяжело сглотнул, пальцы сильнее вцепились в воротник мокрой рубашки. Незнакомка не моргала, прожигала его глянцевыми глазищами, похожими на чёрные виноградины, и молчала.

Он неловко улыбнулся. Сидит тут в тазике, почти голый, мокрый и смешной, хуже ситуации и не придумаешь, хорошо ещё, что он трусы не снял.

– Ты... Славка? – Он едва не назвал её Маугли, в последний момент передумал.

Она кивнула.

– Ты зачем кур ворует? – выпалил Крис первое, что пришло в голову.

Девочка усмехнулась и, подняв руку, покрутила пальцем у виска. А потом покачала головой.

Крис недоверчиво нахмурился, поймал взглядом вторую руку с пучком разноцветных перьев.

– Перья ворует?

Немного помедлив, она кивнула и наконец-то моргнула.

Крис уже подумал, что она вовсе не умеет моргать, или ей это не нужно, как рептилии.

Славка приблизилась к нему на шаг и, по-птичьи склонив голову, оглядела всего: от торчащих из таза ног до влажной макушки. Крис заёрзал и чуть отклонился.

– Ты почему молчишь?

Славка пожала плечами и снова не ответила.

– Ты не можешь говорить? Это, как его... немая?

Славка снова задумалась, но в этот раз не кивнула. Оглядела пучок перьев в руке и небрежно почесала оттопыренное ухо. Крис перевел взгляд на загородку и великодушно разрешил:

– Воруй. Хоть вместе с курами.

Славка засмеялась, развернулась, раскручивая полупрозрачный подол вокруг худых ног, и убежала в заросли крапивы. Судя по шевелению кустов, она добралась до границы участка. В зелени мелькнула её темная макушка – девчонка забралась на ветку липы и уже оттуда помахала рукой с зажатými в пальцах перьями.

Крис встряхнулся, отбросил рубашку и выбрался из таза. Кое-как вытерся полотенцем и натянул сухие вещи. Достигая брюки, то и дело обдумывал странную встречу. Так вот она какая, дочка ведьмы, с паучьими глазами, босая, лопоухая и немая. Что-то в ней действительно было от Маугли и не только во внешности, но и в общем ощущении. Словно её воспитали если не волки, то какие-нибудь барсуки или

медведи. Может, поэтому она и молчит? Просто не умеет говорить на человеческом? Хотя Витёк сказал, что она в школе учится. С Джеком в одном классе. Значит, как минимум писать умеет.

Весь день Крис то и дело возвращался мыслями к этой встрече. Но Витьку почему-то не рассказал, что видел Маугли, хотя моментов для этого было предостаточно. Витёк снова накормил его столовской едой, контрабандой вынесенной его мамой через окно в коридоре. Он смело рассказывал об ухищрениях, на которые шли кухрабочие ради куска сливочного масла или булочек с изюмом. Столовая кормила и тех, кто работал на винодельне, и тех, кто трудился на виноградниках. Его бабушку побаивались, но все равно тащили столовские остатки, преодолевая всевозможные препятствия.

Витёк размышлял фразами, подслушанными из разговоров взрослых:

– Ну а чё? На обедах не экономят. Вкусно готовят, так же? – он дождался кивка Криса и продолжил: – А это все равно свиньям выбросят. Каждый день новое готовят. Просто баба Люба злая. Её послушать, так лучше свиньям, чем людям.

Мама Витька была поваром, и она же ежедневно ездила на пазике в компании огромных блестящих термосов с первым, вторым и компотом из груши-дички. Те, кто работал в полях, называли её кулинарной феей и ждали её появления с обедом, словно чуда. Витёк иногда бегал на обед именно ту-

да, наедался гигантских котлет-кораблей, выходящих за края тарелки, и риса, политого юшкой борща. Его отец работал в Абинске и всю неделю жил там, приезжал только на выходные. О нем почти не говорили, потому что в повседневной жизни его и не было.

Витёк чистосердечно разболтал ему не только о своей семье, но и о семьях ребят, с которыми вчера играли в «Пекаря». Крис делал вид, что ему неинтересно, на самом же деле едва скрывал изумление. Не зря его мама называла Старолисовскую дырой в прошлое, а местных – пещерными жителями. Причем папа никогда не спорил, но и не соглашался. Предпочитал помалкивать. Пару раз Крис слышал и от него про колодец желаний на главной площади, и про проклятые драгоценности помещика Старолисова, давшего название самому поселению. Но это всё было настолько далеко и непонятно, он не ожидал, что ему предстоит увидеть своими глазами. Несмотря на близость к Абинску, деревня оставалась отрезанной от большого мира петлёй реки и какой-то невидимой глазу, но безошибочно угадываемой границей.

По словам Витька, тут до сих пор верили во всякую чертовщину и местные легенды. Вроде призрака Мёртвой девы, ищущей на развалинах своего убийцу, и чёртовых тропок, пронизывающих лес и ворующих время у путников. Криса эти сказки не интересовали, а вот отсутствие банальных удобств в виде современного унитаза и водопровода в доме сильно огорчало. Не привык он мыться в тазике и бегать по

нужде во двор. Зато сегодня он раздобыл утюг. Слава Богу самый обычный, а не древний, с углями или чугунным дном. Наконец-то вещи из сумки перекочевали в шкаф, а некоторые он даже погладил.

А ещё он с сожалением убедился, что у Витька в доме и кухня есть, и даже телевизор. Это ему так не повезло. Баба Люба не планировала переезжать в новое тысячелетие, осталась где-то там, в каменном веке, где до сих пор существуют летние кухни. Что это вообще такое, летняя кухня? Почему она находится отдельно от всего дома? С уличным туалетом хотя бы понятно, там такое зловонье, что глаза режет, в доме этой выгребной яме точно не место. А почему кухню отделили от остального дома и ходят там в обуви, как в сарае?

В описании ежедневной рутины в рассказах Витька постоянно мелькало странное слово «зады». На «задах» у Джека валялись кости и кишки коров, растащенные енотами, на «задах» у Витька плавил свинцовые соты аккумулятора, а у бабы Любы «зады» и были лесом. Позже Крис узнал, что «задами» в Старолисовской называли всю территорию за домом, чаще всего неогороженную.

Про Миху Витёк рассказывал мало, видимо, они не особенно дружили, упомянул, что тот местный в десятом поколении и от этого пыжится, будто у него королевская родословная и дед его не мельник, а как минимум граф. А ещё Миха жутко суеверный, и при нем шутить про местную чертовщину нельзя, он верит во все и сильно обижается, когда

другие не верят.

Машук, она же Машка, была единственной девчонкой в их компании, её пустили туда из-за родства с Колей. Если бы решили поспорить, он дал бы в нос каждому. Ему поручили за ней приглядывать с самого детства, так он везде и таскал её за собой хвостом, постепенно привыкли и забыли, что с ней нужно деликатничать. Да и не выглядела она как девчонка и вела себя как самый настоящий хулиган. Сам же Коля слыл драчуном и авторитетом среди сверстников. Его родители держали телят и свиней, между сараем и сеновалом построили небольшую бойню. За их домом постоянно валялись черепа разной степени обглоданности. Главу семейства регулярно приглашали «заколоть кабанчика» или «забить говядину». По рассказам Коли, его тоже уже допускали к умерщвлению скотины. Чем он и похвастался, предлагая пощупать вздувшиеся от такой сложной работы мышцы рук.

Крис слушал Витька, закусывая новые знания гигантской тефтелей. Про себя усмехался, когда тот неправильно ставил ударение или произносил какое-то слово типа «гарбуз» или «кулёк».

Вечернюю игру в «Пекаря» Крис пропустил. Разморенный сытным ужином и работой на солнце, он уснул за несколько минут до прихода бабы Любы. Не слышал, как она ворчала и недовольно гремела чашками у уличного крана.

Проснулся Крис на закате от знакомого уже звука – удара по полой тылке. Сначала не мог сообразить, утро уже или ве-

чер, таращился в окно, собирая ленивые мысли, голова казалась тяжелой, разбитая губа до сих пор пульсировала и торчала внутрь рта лохмотьями. Крис приподнялся на локтях и вытянул шею. Прямо под окном на веранде маячила макушка бабы Любы. Глухой удар повторился, а сразу за ним слышался дробный перестук капель.

Крис сел, не знал почему, но выглядывать в окно ему не хотелось. В приоткрытую створку потянуло чем-то одновременно сладким, солёным и влажным. Любопытство победило страх, и он встал. За несколько шагов догадался, что увидит, всё же треугольные распорки подтолкнули его мысли в нужную сторону. Только видеть, как бабушка забивает кроликов, он оказался не готов. Заморгал и замотал головой, но почему-то не отошел. Словно его заставляли смотреть. Пара зверьков уже висела вниз головой над ведрами, кровь стекала из них сначала обильно, но с каждой минутой капала все реже и реже.

Баба Люба подняла за лапы белого кролика, примерилась и ударила его по затылку деревянной палкой, похожей на битту для бейсбола. Кролик резко дёрнулся и сразу же обмяк. Повесив его на крюк рядом с другими тушками, она выколола ему глаз и принялась сдирать шкурку с самого обескровленного, забитого первым. Крис досмотрел до конца, увидел, как баба Люба отрезала у кроликов передние лапы и сложила в марлю, а тушки без шкуры и внутренностей остались висеть напротив его окна, напоминая ошкуренных котов или

младенцев без кожи.

Крис отступил назад в комнату, коснувшись кровати, тяжело рухнул на нее. Тефтели, съеденные у Витька, поднялись к горлу и перекрыли воздух. Крис несколько раз глубоко вздохнул и наконец-то отвернулся.

Из комнаты не вышел, даже когда его позвали ужинать – доедать пирог с крапивой. Через дверь крикнул: «Не хочу!»

Он думал, что после увиденного не уснёт, но усталость победила. Правда, сон точно не был исцеляющим. Крису приснился кошмар. Первый в его жизни жуткий-прежуткий сон. Снилось баба Люба, почти такая же, как в реальности, только выше и страшнее. Она равнодушно забила палкой его сестёр и повесила рядом с тушками кроликов. Во сне сестры были размером с новорожденных, но Крис четко осознавал, что это Дарина и Вика. Кожу она с них не сняла, но глаза выколола, а потом увидела в окне Криса. Обездвижила его взглядом и взмахнула палкой.

– Иди сюда.

Он отступил вглубь комнаты:

– Не трогайте меня. Я папе расскажу.

– Да кому ты нужен?! Папе он расскажет. Да хоть маме. Ты ещё не понял? Они тебя мне сдали навсегда.

Оставшуюся часть сна Крис убегал от бабы Любы по падающим в пропасть лестницам, с трудом переставляя ноги. Баба Люба шла за ним размеренным шагом, но, как бы он ни старался, расстояние между ними не увеличивалось, а пару

раз он почувствовал её пальцы на воротнике, холодные, цепкие и сильные.

Она размахивала битой и повторяла:

– Жаль, шкуры мало, никудышный кроль, выбраковка, только на жаркое и пойдет.

3 глава. Шинук

Город не принимал Славку, но и не отвергал, просто не смешивался с ней, как вода с маслом. Она устремила в большой мир с воодушевлением и решимостью, готовясь принять все радости и чудеса, которые припас для неё шумный и многоликий мегаполис. Сюрпризов действительно было в избытке, правда, добавились и страхи.

Славка остановилась у перехода и, хотя горел зелёный, дождалась прохожих, которым тоже нужно было перейти на другую сторону, минуя рельсы. Самый страшный промежуток дороги – небольшая площадка между путями, ведущими в противоположные стороны. Там она никогда не ходила одна, суеверно подсовывала трамвайному богу других пешеходных жертв.

Славка торопливо догнала мужчину, подстроилась под его шаг и прикрылась его тучным телом, отгородившись от приближающегося трамвая. Свободно она выдохнула только на другой стороне улицы. Как назло, дорога в парк лежала через трамвайные пути, порой приходилось проходить их не единожды, Славка внутренне съезживалась, стискивала зубы и крепко сжимала кулаки, готовясь атаковать ненавистную металлическую гусеницу.

Еще этот глупый сон возродил чуть побледневший страх. Славка знала по собственному опыту – сны оставляют эмо-

циональные отпечатки, даже если стираются из памяти. Они просачиваются в подсознание и руководят нашими реакциями и настроениями. Трамвай гонялся за ней почти месяц, хотя в реальности она научилась подавлять этот постыдный детский страх. За воспоминанием о трамвае ниточкой потянулся её личный кошмар – Чахаох. Вспомнив мужчину без лица, Славка невольно приостановилась. Кто он? Может, отец, которого она никогда не знала? Поэтому обезличенный и молчаливый. Её несильно толкнули в спину, кто-то тихо ругнулся. Люди обходили внезапно возникшую преграду, пока она снова не влилась в движение.

Рассеянно разглядывая витрины, Славка вернулась мыслями к новому знакомому в парке. Почему-то встреча с ним оставила смутное беспокойство и никак не выходила из головы. С Вадимом они познакомились ещё в августе, когда Лука впервые привел её в парк. Подышать свежестью и побродить босиком. Он лучше всех чувствовал, как сильно ей не хватает леса. Тогда она и увидела этот странный вид спорта – триклайн. Славка не представляла, что можно ходить по линии шириной в пять сантиметров, а оказывается, можно на ней и прыгать, и раскачиваться, и сочетать это все в немыслимых комбинациях. Вызов земному притяжению и прыгучим белкам в парке.

Когда Вадим отрабатывал стойки и статические элементы, она поглядывала издалека, занимаясь вверенными ей птицами, но, когда он впервые выполнил трюк, беззастенчиво при-

близилась к натянутому слэку и досмотрела выступление до конца. Парень, безусловно, выпендривался, откровенно заигрывал и даже не пытался это скрыть. Только Славку его внимание не трогало, она уже выбрала, кого любить, осталось только убедить Луку, что он тоже в неё влюблён.

Вадим то и дело говорил, что в паре трюки выглядят круче, скоро приедет его друг, и тогда она увидит самое настоящее чемпионское выступление. Он несколько раз упоминал, что они с Крисом похожи, словно братья, и предупреждал, чтобы она их не перепутала. Сегодня Славка увидела и парное выступление, и того самого друга. Она сразу же решила, что они абсолютно разные. Они ощущались по-разному, не как ночь и день, скорее как пряник и мех, вообще понятия из разных категорий. Несравнимые. То, что они оба были высокие и светловолосые, ещё сильнее оттеняло непохожесть.

Крис ее... напугал. Не обидел, не нагрубил и не показался высокомерным, скорее он был безразличным, но глубоко в груди, там, где обычно ёкает от восхищения или страха, встрепенулся первобытный ужас. И почти сразу появилось необъяснимое желание убежать из-под прицела серых глаз нового знакомого. Славка нарочно запомнила эту мысль и этот порыв. Интуиции она всегда доверяла больше, чем самым распрекрасным рекомендациям. Но почему она так отреагировала на Кристиана? Наверное, виной тому мамино предупреждение «остерегаться сероглазых мужчин», иначе с чего он вызвал такие неуместные эмоции?

Крис выглядел уставшим и одновременно удивленным, будто выдернутым из сна, на неё смотрел как на ужа, который вполне может оказаться ядовитой гадюкой, — с опасливой настороженностью. Когда он заговорил, во рту мелькнул металлический шарик, и Славка восхищенно застыла, пытаясь разглядеть пирсинг. А следующая мысль её саму порядком озадачила: интересно, как он целуется с такой фиговиной на языке? И тут же она рассердилась на себя за это. Какое ей вообще дело, как он целуется? У неё есть Лука и цель — вернуть его любовь. Просто новомодные модификации внешности до сих пор удивляли Славку: она беззастенчиво пялилась на татуировки, цветные волосы, необычную одежду городских. Восхищённо и изумлённо рассматривала город, а город в ответ изучал её и посмеивался над её дикостью.

Мостиком между ней и городом стал рыжий Лука. Расстались они ещё в марте, по его инициативе, но в июне на выпускном она его поцеловала. И он ответил! Не ожидал, растерялся, но всё равно поцеловал.

Даже квартирные обстоятельства оказались на стороне Славки. С тех пор как у Луки родилась сестрёнка, они делили одну комнату. Он спал на раскладном кресле, а Славке досталась его кровать. Теперь они каждый день видели друг друга сонными и полуобнаженными. Если Лука смущался и норовил переодеться в ванной, то Славка беззастенчиво ловила его на спущенные с плеч бретельки и тонкие футболки

без нижнего белья. Лука реагировал ярко, заливался рдеющим смущением до самых плеч и безуспешно делал вид, что ничего не происходит.

Славка действовала прямолинейно, но очень эффективно. Осталось только напомнить, как хорошо им было вместе. И желательно поторопиться, пока влюбчивый Рыжик не увлекся другой девушкой или не вспомнил свою детскую привязанность. Эта «привязанность» постоянно таскалась к ним в квартиру, якобы на уроки музыки, и бродила под окнами, привлекая внимание. Лука вздыхал, расплющивался о стекло и рьяно отрицал воскресшую любовь. Славка видела все его неловкие попытки отречься от Лили. Её мама всегда говорила – первая любовь сродни привороту. Очень тяжело от неё избавиться, следы от неё, как от ветрянки, остаются на всю жизнь.

Еще в июне Лука принял решение вернуться в Краснодар и подал документы в КубГТУ⁶. Его отец в приступе душевной широты предложил Славке пожить вместе с ними в их городской квартире. Всё же не чужие люди. Даже перестав быть парой, они сохранили тёплые отношения. У дружелюбного Луки друзей водилось в избытке, у Славки же был только он. В родной деревне от друзей её ограждала колдовская репутация. Даже если бы она была обычной милой девочкой, наличие в родственницах ведьмы притупляло бы желание местных с ней водиться. А приезжие о ней узнавали за-

---

⁶ Кубанский государственный технологический университет.

ранее как о местной страшилке и сторонились.

Славка не выбирала одиночество, хотя оно её и не тяготило. Но границ деревни ей было мало. Она вообще терпеть не могла границы. Вот и сбежала. Не представляя, как будет скучать по настороженной тишине леса и журчащим переливам реки.

На предложение отца Луки Славка, естественно, согласилась. Ей предстояло поступать в педагогический университет. Краснодара она не знала и не думала, где жить и как добираться до места учебы. Лука познакомил её с городом, немного приучил к трамваям и несколько раз проехал с ней до института и обратно. Почти месяц она привыкала к дыханию большого города, свыкалась с его суетливым многоголосьем и постепенно подбиралась к Луке. Его она уверила, что чувства в прошлом, но рассчитывала возродить бессмысленно оборванные отношения. Как можно так просто вычеркнуть их из памяти и вынуть из сердца? Они же были первыми друг у друга!

Славке и в голову не приходило, что ситуация, в которой она оказалась, довольно пикантная и уж точно не стандартная, пока случайно не подслушала разговор родителей Луки. Маленькая Даша как раз уснула, они притихли на кухне, видимо, думали, что Славка в птичнике, обычно в это время она уходила туда.

Андрей Викторович отхлебнул чай и задумчиво постучал пальцами по столу.

– Люсь, а они там ляльку не заделают? Будет у нас тут детский сад. С нашей Дашуней почти погодки.

Людмила Георгиевна закашлялась.

– Что? Ты думаешь, у них все серьезно? Лука говорит, что они друзья.

– Лука говорит... Лука, хоть и рыжий, все равно мужчина. В одной комнате со Славкой даже он сломается.

Какое-то время тишину нарушали только стук вилок по тарелкам.

Заскрипели ножки стула по полу.

– И что нам делать? – заволновалась Людмила Георгиевна.

– Что-что? Презервативы ему куплю. Что ещё делать. Просто, Люсь, он уже попробовал, да и пора ему по бабам ходить. Восемнадцать как-никак, а Славка на год старше. Зато, считай, под нашим присмотром, – он громогласно, но наигранно засмеялся. И тут же затих, видимо, вспомнив о спящем в соседней комнате ребенке.

– Может, не надо им в одной комнате жить?

– А где?

На несколько секунд оба замолчали, напряженно обдумывая, где добыть ещё одну комнату.

– Давай шпингалет поставим им на дверь?

– Поставь, – она вздохнула, – когда он вырасти успел? Только бегал в спущенных колготках и делал вид, что стреляет из ложки для обуви.

– Да...

– Перед соседями неудобно. Пусть лучше думают, что они пара.

– Лопатина уже окрестила их женихом и невестой. Мы можем вообще молчать, пофиг. Бабули её веское мнение обмусолили на всех скамейках.

– А, ну пусть, так даже лучше.

Славка осторожно вернулась в спальню и тихо прикрыла дверь. Для себя она отметила главное: Андрей Викторович уверен, что Лука сломается. А он, как мужчина, лучше знает своего сына. Хотя... Лука гораздо больше похож на маму и внешностью, и тонко чувствующей натурой. От папы ему досталось только умение делать широкие жесты. Пожалуй, в этом он даже обошел родителя. Славка вспомнила, как он ради неё переплыл в октябре речку. Трясущийся от холода, худой, даже жалкий, как мокрый брошенный котенок, но не сдался, доплыл до берега. Тогда Лука совершенно точно был в неё влюблен.

Андрей Викторович любил прихвастнуть охватом бицепса, набором блесен и умением распознать сто тысяч оттенков в тахтящем двигателе. В качестве комплимента ужину он издавал громкую отрыжку, собачился через окно со склочной соседкой по прозвищу Лопата и ненавидел, когда его выкорчевывали из туалетной комнаты раньше, чем через полчаса после начала заседания. С ним было просто. Если на работе в гаражах что-то не ладилось – он раздражался и мог прицепиться к любой мелочи. Если же пребывал в хоро-

шем расположении духа, обязательно звал на кухню порассуждать вместе с ним «за жисть» и разбавить радость пивом.

Лука избегал этих бесед, а Славка, наоборот, частенько состязалась со старшим Ларионовым в нарды. Ей нравилась не столько сама игра, сколько бросать гладкие холодные кости и пытаться предугадать комбинации. Почему-то игральные кубики вызывали в ней странную тоску. Она не могла объяснить её и понять. Но стоило коснуться их граней, как накатывала смутная печаль, похожая на память перерожденной души. Славка не задумывалась над этими ощущениями, возможно, зацепила их из чужого сна. В детстве она неосторожно приносила «монстров» из чужих кошмаров, пока не научилась защищаться.

Славка с увлечением изучала будущего свекра. Всматриваясь в лицо, искала отпечатки его желаний и страхов, всего, что ночью сплетётся в кошмар или исцеляющий сон. Обнаженное подсознание не всегда выглядело привлекательно и порой удивляло больше чем трамвай, но бродить по снам Славке никогда не надоедало.

Андрей Викторович не баловал разнообразием кошмаров, чаще всего спал так крепко, что его сны напоминали вязкий, бессюжетный туман, другое дело, мама Луки. В её сны Славка ходила как в кинозал, правда, с каждым днём сеансы становились все печальнее и мрачнее. Людмила Георгиевна тонула в чувстве вины под печальные мелодии расстроенного горящего рояля. Пока Славка не вмешивалась.

Вина была вполне заслуженной. В семье никто не обсуждал её вояж налево, но о нем все знали и переживали по-разному. Как ни странно, тяжелее всех было самой «подлой изменщице».

А Лука... он солнце, и этим все сказано. Славка мечтательно улыбнулась, вспоминая их встречи у маслобойни, крохи украденной на бегу нежности и единственную ночь в доме его тети. Знойное солнышко, ласковое.

Жаль, что его маме она не нравится. Хотя ей сейчас вообще никто не нужен, кроме Даши. Наверное, это нормальное состояние для женщины меньше чем через месяц после родов. Мир Людмилы Георгиевны замкнулся на дочке, стал её спасением от самой себя. Она не выглядела счастливой, напоминала треснутый бокал без пары. Пока никто не додумался плеснуть в этот бокал кипяток, и она держалась за реальность пеленками, бутылочками и детскими болячками.

Пока Семья Луки проживала собственную трагедию, Славка знакомилась с городом и наблюдала. Мама учила её смотреть глубже, не делать поспешных выводов и выуживать суть. Но вспыльчивая и порывистая Славка пока не научилась даже обуздывать собственные эмоции, чего уж говорить о выдержке и терпении.

Как ни странно, ритм города совпал с её собственным. Родная деревня отгородилась от мира петлёй реки, рядами подсолнухов и местными жутковатыми легендами. За руслом Капиляпы жизнь текла в несколько раз быстрее. Но лю-

ди везде были одинаковыми, и руководили ими те же слабости и желания.

Лука скормил Славке столько живописных рассказов о Краснодаре, что она, не раздумывая, ринулась навстречу приключениям. Вдохновленная, смелая, беззащитная и босая. Пришлось немного изменить свои привычки, как минимум приучиться к обуви.

Людмила Георгиевна не изображала радость от присутствия в их квартире бывшей девушки сына. Да и для Славки не было секретом, что она её откровенно побаивается. В отличие от Андрея Викторовича, она верила слухам о её ведьмовской родословной и на всякий случай раскопала на дне шкатулки серебряный крестик.

Ещё в августе, до рождения Дашки, с громким треском провалились три попытки окультурить дикую Славку. Та наотрез отказалась расстаться с любимыми платьями, привезенными из Старолисовской. Они достались ей от мамы, приятно ласкали кожу натуральными тканями и не стесняли движений. Немодные, некоторые поношенные, в основном не по размеру свободные. Лука назвал их винтажной красотой, а склочная соседка – цыганской гуманитарной помощью.

Чуть тише провалилась попытка украсить Славку с косметикой. На защиту Славкиных естественных бровей и ресниц встал Лука. Людмила Георгиевна отступила без боя. Красить и без того яркую внешность не имело смысла, грозя превра-

тить жертву моды в клоуна. Природа и без того расщедрилась на краски для Славки, особенно не пожалела чёрную.

С маникюром Славка тоже не подружилась, в принципе, эта затея с самого начала была обречена на провал. Славка грызла ногти. Так она боролась с волнением, а иногда со скукой. Вот и новенький алый маникюр съела в первую же встречу с шумным лифтом в торговом центре. Пришлось спрятать руки от мамы Луки, чтобы не дать лишнего повода для печального вздоха и брезгливого взгляда. А в августе Славка нарвалась на нравоучительную беседу. Вкуснейшие грецкие орехи оставили на пальцах несмываемые коричневые пятна.

Славка лопала их каждый год, сидя прямо на дереве. Расковыривала крепкими ногтями зеленую кожуру и доставала молодую мякоть. К сентябрю следы орехового пиршества постепенно смывались и абсолютно не беспокоили. Не грязь же и не кровь. Подумаешь, орехи! Но Людмила Георгиевна думала иначе. Никак не могла принять и понять наплевательское отношение Славки к собственной внешности и постоянно повторяла: «Мирослава, ты же девочка. Так нельзя».

Раньше никто не говорил Славке «нельзя». Она росла не просто свободной, а вольной. Избалованной теплыми ветрами, зачарованным лесом и всё позволяющей мамой.

После реакции Людмилы Георгиевны Славка опасалась идти на консультацию к учительнице Луки. Малика Андреевна взялась подготовить её к собеседованию – обязательно-

му этапу поступления на факультет биологии. Декан не доверял результатам ЕГЭ и по старинке общался с абитуриентами самостоятельно. Прощупывал уровень знаний и умение рассуждать. На поступление это не влияло, а вот на его отношение – ещё как.

Лука привел Славку к дверям квартиры, перепоручил учительнице и оставил их наедине. Славка сцепила руки в замок и насупилась, ожидала очередной поучительной беседы о том, что можно и нельзя. Не дождалась. Малика Андреевна махнула деревянной лопаткой, предлагая входить, и вернулась на кухню.

– Сейчас Эдьке котлеты дожарю и будем грызть кору на-уки.

Славка прошла в комнату, мало похожую на уютное гнездышко Ларионовых. Словно сюда недавно въехали, мебель вся разная, занавесок нет, да и подоконник, судя по всему, использовался как место для сидения. Тут даже подушки лежали, хорошенько продавленные. Чисто, но не захламлено и немного безлико. Лука говорил, что незамужняя учительница не одинока и мужчина её не абы кто, а олимпийский чемпион Камарицкий.

Славка заметила на подоконнике потрепанную колоду карт и едва не пропустила мимо ушей вопрос:

– Есть хочешь?

– Нет. Котлеты не люблю.

– Я тоже. Но Эдька хищник, любит мясо.

Славка отодвинула стул и оглядела стол, заваленный книгами и тетрадями. Малика Андреевна перехватила её взгляд.

– Мои конспекты. Правда, столетней давности, – она достала горячие котлеты на тарелку, отправила на сковороду новую партию. – С Лукой все понятно, он мой ученик, но с тобой давай на «ты» и без отчества. Мне так удобнее.

– Хорошо, – легко согласилась Славка. Малика с трудом тянула на звание учительницы, невысокая, взлохмаченная, в растянутой футболке и свободных мужских шортах. На двадцать семь лет она точно не выглядела, а со спины могла сойти и за подростка. Причем хулиганистого и неформального.

Пролистав ближайшую тетрадь, Славка раскрыла её на изображении человеческого скелета и удержала страницу ладонью. Увидев потемневшие от орехового сока пальцы, напряжённо застыла и подняла взгляд. Малика тоже смотрела на её руку, но не гадливо, а с задумчивой ностальгией.

– О, руки негра.

Славка вздрогнула, эта фраза прозвучала знакомо и почему-то болезненно. Малика не заметила её растерянности, уточнила:

– Орехи?

– Ага. Зелёные.

– Я лимоном отмывала. Хотя мало помогало, немного бледнело, и всё.

Славка не пробовала отмывать, но на всякий случай запомнила совет.

– Само пройдет.

– Пройдет недели через две. Почему биофак?

Славка пожалала плечами, широкий цветастый рукав съехал вниз, оголяя острую ключицу и тонкую руку.

– Лука придумал. Говорит, это моё.

Малика хмыкнула.

– Лука, значит. Друг?

– Нет. Я его люблю.

Малика дернула бровью и широко улыбнулась, демонстрируя крупные передние зубы. Эта черта добавляла её лицу детскости, окончательно стирая границу в возрасте.

– Ты же из этой самой деревни, Старолисовской, затерянной в непроглядной чащобе? Он говорил, у вас там лес реликтовый, развалины поместья, древний музей, полный дворянского барахла, и самая настоящая ведьма. Зофья, кажется. Страховидно, наверное, то еще. Ты с ней знакома? Правда колдует?

– Колдует. Ещё как, – усмехнулась Славка и, предупреждая вопрос, добавила: – Это моя мама.

Малика на секунду застыла, а потом громко рассмеялась.

– Ну конечно! Как говорится, язык мой – зараза такая.

Славка улыбнулась, её удивило, что Малика не смутилась. Легко приняла свою оплошность. Даже радостно села в лужу.

– Она колдует и гадает, но может отказать.

– А ты колдуешь?

– Я не ведьма, – Славка на секунду замялась и кивнула в

сторону подоконника, – даже карты не умею читать.

Малика верно поняла её взгляд.

– А я умею. Хочу с твоей мамой познакомиться. Ещё в июне собиралась в ваши края, Эдька все со своим чемпионатом, все планы мне перепутал. Самшиты хочу поглядеть и заводи с лотосами. Что там у вас ещё есть?

– Призраки, мерцающие тропинки и пироги с голубями и крапивой.

Малика сощурилась, пытаюсь понять, шутит Славка или нет. Но та не улыбалась, глядела пристально, не мигая.

Малика выдержала её пронзительный взгляд.

– Тем более нужно ехать, пока всех голубей не сожрали.

Занимались они до прихода того самого Эдьки, оказавшегося по паспорту Кириллом. Он поймал по-обезьяньи прыгнувшую на него Малику и поверх её макушки поздоровался со Славкой.

– Привет.

– Привет, – Славка немного растерялась, заметив, что у нового знакомого глаза разного цвета, отчего казалось, что он как-то странно смотрит, словно насмехается и немного косит. Мама такие глаза называла волшебными.

Малика разжала объятия и сползла по телу Кирилла. Коснувшись пола, объятия не разжала, но оглянулась.

– Это Славка. Лука попросил натаскать её перед собеседованием с деканом.

– А Демьян Станиславович знает о ней?

Малика неожиданно разозлилась.

– Нет. Только попробуй ему сказать.

Смысл этого предупреждения Славка поняла гораздо позже, уже после того, как прошла это самое собеседование. А до него две недели бегала к Малике на учебу. Правда, чаще всего они занимались где угодно, но не за столом. В тренажерном зале, на летней площадке при школе, в кофейне и в Сафари-парке. Оказалось, у Малики тоже есть причина посещать Солнечный остров, там обитал её любимый ленивый бегемот, здоровенный лохматый конь «кинг-конгской» породы и частенько тренировался Кирилл. Именно Малика нашла для Славки работу в птичнике, время от времени она навещала страусов, а заодно и свою протезу.

Очередное занятие состоялось на соревнованиях по гребле. Славка кормила птиц и пропустила старт каноистов-одиночников. Застала уже только финиш и радостные вопли жены победителя. О том, что её статус поменялся, Малика сообщила между делом, сверкнув простеньким колечком.

– Ура! Вчера расписались. Эдька – чемпион. Эдька – машина!

Славка даже не удивилась. Малику в свадебном платье она не представляла. Вообще не видела её в роли добропорядочной супруги, хранительницы очага. Кирилла Славка видела всего пару раз, но и этих минут хватило, чтобы понять, что свою хулиганистую жену он боготворит, что не мешает ему беззлобно над ней подшучивать, а ей лупить его по лбу всем,

что попадаетея под руку. Славка с трудом представляла, как Лука и другие ученики называют её по имени-отчеству. И как вообще эта странная особа умудрилась стать учительницей?

На собеседование со страшным и ужасным деканом факультета биологии и химии Славку провожали целой компанией, даже Лука приехал. Переживал больше всех. Славка нервничала, но больше из-за того, что знала за собой черту – неумение нарочно вызывать симпатию и быстро сблизиться с незнакомыми людьми. Будущие однокурсники с ней практически не общались, держали дистанцию и втайне посмеивались над её манерой одеваться. Славка не знала их имён и не пришла ни на одну из кофейных посиделок. Из всей безликой массы первокурсников запомнила только старосту, и то только потому, что та съязвила по поводу её неухоженного маникюра и носила имя Катя. А Кать Славка с детства не любила. И как-то так получалось, что они отвечали ей взаимностью. Именное проклятие какое-то, не иначе.

А тут декан, о котором все говорили как о крайне строгом и придиричивом педагоге, способном довести до инфаркта и внезапной седины. Малика тоже отзывалась о нём с уважением, но, если о нём заговаривал Кирилл, почему-то сразу обрывала.

Камарицкие остались на улице и даже нарочно выбрали самую неприметную скамейку за кустами. Лука ждал в коридоре, он уже числился студентом, а потому расслабился и

пришел поддержать Славку своим присутствием.

Зря Славка боялась, страшное собеседование сильно уступало по напряжённости походу к стоматологу и обернулось обычным разговором с внезапными вопросами, отдалённо относящимися к биологии. Демьян Станиславович присматривался, прислушивался и делал какие-то пометки в блокноте, закончил дружелюбным пожеланием хорошо провести последние дни августа и попросил её выйти из кабинета с испуганным лицом.

Славка не сдержалась, улыбнулась, как только захлопнула дверь. Лука первый поздравил её, обнял и не успел увернуться от жгучего поцелуя. Они вместе вышли на улицу и столкнулись с Маликой, покинувшей укрытие.

– Ну как?

– Нормально, – Славка перевязала крепче косынку, туже переплела косу. Волнуясь перед собеседованием, она растрепала волосы и даже немного погрызла прядь у виска. Ногти закончились ещё накануне, даже «некусайка», подсунутая Людмилой Георгиевной, их не спасла. – Я думала, будет хуже.

Малика приобняла Славку. Бросив взгляд за её спину, замерла и, медленно отстранившись, поздоровалась:

– Добрый день, Демьян Станиславович.

– Малика? А ты что тут делаешь? – он перевел взгляд на Славку. – Твоя протеже?

Малика фыркнула и неожиданно разозлилась.

– Вы же не знали, что я её готовлю, и она не знала, что мы... знакомы. И вообще, лучше нам всем сейчас разойтись, чтобы и другие не подумали, что она тут по блату.

Демьян Станиславович кивнул и присмотрелся к Славке пристальнее.

– Славка... Мирослава, наверное? Можно называть тебя Мира?

– Нельзя, – не раздумывая, откликнулась и даже не ступшевалась.

Он усмехнулся.

– Теперь я понимаю, почему вы подружились. Ладно, идите. Я вас не знаю, и вы меня тоже.

Славка не стала расспрашивать и так по короткой беседе поняла, что Малика и её декан не просто знакомы, а, кажется, дружат. Видимо, она не хотела помогать ей удобным знакомством, верила, что Славка и без этого произведёт нужное впечатление.

Удачное собеседование праздновали в летнем кафе. Не нарочно разбились на пары. Славка беззастенчиво льнула к Луке, держала его за руку и всем своим видом демонстрировала, что дружба – это слишком мелко для их глубоких отношений. Он поначалу стеснялся, почему-то поглядывал на Кирилла, словно ожидая осуждения. Малика то и дело бросала на них странные нечитаемые взгляды. А Славка ничего не видела, просто наслаждалась близостью Луки, теплым днем и вкусным мороженым.

Наедине он удерживал дистанцию, а вот в людных местах и при свидетелях терялся, боялся поставить Славку в неловкое положение или случайно унизить. Она не только безошибочно нащупывала страхи в чужих сновидениях, но и интуитивно считывала реакции. Вот и с Лукой ловила подобные моменты нежности, прилюдные и часто поверхностные. Ей их было мало, очень мало, но пока приходилось довольствоваться крохами внимания и тенью былых чувств.

Ночью, уже лежа в постели, Славка рассеянно прокручивала в голове парное шоу на слэке и рассматривала профиль Луки. Он читал, подсвечивая страницу фонариком, и неосознанно шевелил губами. Светлые ресницы отливали золотом, на подушке расплылось пятно от влажных после душа волос.

Славка сползла со своей кровати и села на разложенное кресло рядом с Лукой, коснулась его лба, убрала в сторону медную прядь.

Он замер, отвел луч фонаря на стену и опустил на живот книгу.

– Не спится?

– Не-а.

– Ты какая-то странная, – он усмехнулся и сам же поправился. – Хотя ты всегда странная. Как там Петро и Дуся? Видел, ты принесла домой кучу перьев. Не клевали тебя сегодня?

– Пытались. Но не меня. Я с ними подружилась, – похва-

сталась Славка и придвинулась ближе. – Перья, кстати, лимонного фазана и цесарок. Жду, когда облезет хвост у Аргуса.

– Со страусами тебе проще подружиться, чем с одноклассниками.

– Пошли они! – вспыхнула Славка. – Очень мне нужна их дружба. Староста – дура, подлиза и ябеда. Ненавижу.

Он усмехнулся.

– Опять про твои ногти говорила?

– Нет, она сказала, что у меня руки волосатые.

Лука перевёл взгляд на её предплечье. В тусклом свете на её коже серебрился лёгкий пушок, после лета заметно выгоревший. До поездки в Краснодар Славка не брила даже ноги, Лука хорошо помнил её смуглую кожу, не тронутую цивилизацией. Его маме не удалось облагородить дикую Славку, а вот Малика сумела подсунуть ей эпилятор. Ненавязчиво, будто случайно и не обидно.

– Ты просто потопталась по её авторитету. Вот и всё. Она неплохая.

Славка фыркнула. Лука слишком добрый, а вот она недобрая и сегодня же заберётся в сон старосты и выудит на поверхность её страх.

Лука приподнял книгу, намереваясь продолжить чтение. Славка несколько секунд смотрела на него, а потом наклонилась и попыталась поцеловать. Он дёрнул подбородком, и её губы мазнули по его веснушчатой скуле.

– Ты же говорила, что всё в прошлом, – опешил он.

Славка пожала плечом. Ей надоело притворяться.

– Говорила. Но нет. Я тебя ещё люблю.

Лука молчал почти минуту, смотрел на её сцепленные руки.

– Не надо меня любить, пожалуйста.

Она склонила голову, чуть сощурилась и неожиданно улыбнулась.

– Давай займемся любовью.

Лука чуть приподнялся на подушке. Его щёки тут же залил яркий румянец. Такая прямота обескураживала. Другая бы девушка выглядела умоляющей и, может, даже жалкой, но не Славка.

Он сел, прижавшись спиной к стене, подтянул колени и выключил фонарик. Несколько секунд они привыкали к темноте. Постепенно в лунном свете проступили очертания мебели и их силуэты.

Лука нащупал её руку и сжал пальцы.

– Я не хочу снова делать тебе больно.

– Скажи.

– Зачем...

– Скажи, – потребовала Славка.

Он вздохнул.

– Я тебя не люблю. Прости.

– Вот когда скажешь «я люблю не тебя», тогда я, может быть, и поверю. А пока твоё сердце моё, – она придвинулась

ближе и коснулась прохладными пальцами его плеча и снова повторила: – Давай займемся любовью.

Лука вздрогнул, но не отодвинулся.

– Что ты творишь?

– Что я творю?

– В соседней комнате мои родители, а за стеной Дашка только уснула.

– Я ей сплела хороший сон, она будет крепко спать.

Славка забралась на кресло с ногами и положила голову на плечо Луке. Её пышные волосы защекотали его щеку и грудь. Он непроизвольно вдохнул. От неё пахло горьковатой полыньёй, грозой и свежескошенной травой. Город не смог победить её природные ароматы и укутать в смог. Славка пахла лесом и свободой.

Она придвинулась вплотную. Её бедро прожигало сквозь тонкую простыню, Лука против воли ощутил проснувшееся желание и нехотя отодвинулся.

– Так нельзя, Слав.

Она взяла его руку и положила на свою грудь, сверху придала ладонью.

– Я хочу нежности.

– Нет, не нежности ты хочешь, – он медленно высвободил пальцы, – ты хочешь страсти. Чтобы всё ревело, пылало, обрушивалось и клокотало. Тебе нужен тот, кто не целовать тебя будет, а кусать.

Славка резко встала, нервно одёрнула ночную рубашку.

– Нет, значит?

– Нет.

– Тебе будут сниться кошмары, – мрачно пообещала Славка.

– Я в этом не сомневаюсь, – Лука снова лег, но читать не продолжил, закрыл книгу и положил на пол. – Спокойной ночи.

Славка не ответила. Не хотела признавать, что Лука прав. Она его любила, но нежности ей было недостаточно. Ей хотелось больше, острее, глубже.

Закутавшись в простыню, она отвернулась к стенке. Несколько минут обиженно сопела, воображая, какие жуткие кошмары сплетёт Луке. Он ещё пожалеет, что оттолкнул её! Но постепенно злость утихла, переплавилась в смутную надежду, что просто нужно немного подождать и быть хитрее. Лука не заслужил кошмаров, пусть спит спокойно. А вот староста, пожалуй, пусть немного помучается.

Но, утонув в дрёме, Славка почему-то прошла мимо её сна, хотя в калейдоскопе смазанных ярких картинок нашла его безошибочно. Мелькнул безголовый младший брат Кати, а следом за ним Демьян Станиславович, спешащий куда-то на тонких паучьих ножках, из-за рядов пожухлых подсолнухов выглянул красный трамвай. Всё не то. Славка отмела чужие сны, убежала из собственного и с разбега прыгнула в сон сероглазого Криса.

Он стоял на краю обрыва полностью обнаженный и, рас-

правив в стороны руки-крылья, обнимал небо. Порывы ветра топорщили роуч⁷ на его голове. Цветные перья трепетали и, отрываясь, устремлялись вверх. Крис едва удерживался от падения в туманную бездну, но не отступал и не уходил, сопротивлялся упругим потокам ветра. А потом просто шагнул и провалился в пустоту.

Славка проснулась и, распахнув глаза, прошептала незнакомое слово:

– Шинук.

---

⁷ Роуч – головной убор североамериканских индейцев.

4 глава. Рубашки из нотчии

Первое лето в Старолисовской

Девять лет назад. Июль.

Природа вокруг Старолисовской завораживала. В отличие от Миши с его суеверной пугливостью и от Витька с его удивительным равнодушием ко всему живому, Крис лесом был околдован. Пока он бродил далеко от дома только в компании ребят, сначала в долине лотосов, пока ещё не цветущих, а позавчера – на развалинах. Поместье сгорело почти сто лет назад, оставив после себя колоритные руины в плетях ежевики и оборванную мраморную лестницу, ведущую на призрачный, давно не существующий второй этаж. Увидев издалека белые колонны, Крис испытал непривычную смесь сожаления и печали. Воображение дорисовало к колоннам огромный красивый дом, ныне разрушенный и поглощённый немилосердно ликующей природой.

Местные привыкли и к лесу, и к развалинам, вряд ли понимали, какое оглушающее впечатление они производят на человека, увидевшего это всё в первый раз. Крис восхищённо оглядывал огромные дубы и плюшевые самшиты, щупал, нюхал и замирал от восторга. Несколько раз видел в малахитовой чаще босоногую Маугли. Она не приближалась к ним, но явно наблюдала. Как сказал Миша, «следила, чтобы они не сделали лесу больно». Он откровенно побаивался эту де-

вочку. Теперь Крис уже знал, что она дочка местной ведьмы, той самой Зофьи. С ней предпочитали не связываться, но при этом все знали дорогу в её дом.

Сегодня Крис решил, что вполне созрел для самостоятельной прогулки, а ещё он надеялся встретить Славку. Возможно, если он будет один, она к нему подойдёт или хотя бы не сбежит при его приближении. Как с ней дружить и общаться, он не представлял, но ему очень хотелось её увидеть. Не потому, что она дочка ведьмы, в это он как раз не верил, а потому, что она непривычная, чуждая, часть сказочного леса, а не допотопной деревни, которую невзлюбил с первой секунды.

Накануне Миха его пугал чёртовыми тропками и всё время напоминал, что нельзя сходить с протоптанной дорожки. Крис скептически хмыкнул, до сих пор не привык к дремучим суевериям местных. Взять хотя бы Мёртвую деву. Видел её кто-нибудь или только двоюродный брат соседа, который, естественно, давно уехал или умер? Крис уже дважды посещал развалины, один раз они возвращались в сумерках и ни девы, ни лесных фей, ни даже завалящего лешего не встретили.

Крис надел новую рубашку, пригладил волосы и даже протёр белую подошву кроссовок. Как всегда, тщательно вымыл уши и подстриг ногти, словно шёл не в лес, а в театр. Следовать своим пижонским привычкам в Старолисовской оказалось намного сложнее, здесь грязь и пыль поджидали на каж-

дом шагу, а мамы, которая бы стирала и гладила его вещи, не было. Одну футболку он безвозвратно испортил соком вишни, а шорты порвал, отвоёвывая у Пекаря свою палку.

В лес Крис пошёл прямо из двора. Липы и акации за домом плавно перетекали в полноценные заросли, на вид абсолютно дикие, хотя эта часть берега пользовалась популярностью у местных: здесь пролежала дорожка к Шестому мосту, который вёл к развалинам и к долине лотосов. Витек показал ещё Пятый мост, самый новый и основательный, ведущий к отстраивающейся винодельне, именно по этому мосту каждый день уходила баба Люба, чтобы мучить своей дошностью и подозрительностью попавших в её подчинение несчастных людей. Всего в Старолисовской было шесть целых мостов, но не все из них отличались прочностью и могли выдержать машину. Седьмой мост и вовсе рухнул, по словам Михи, не без помощи русалок. Остались от него только мостки у берегов Капиляпы, а раньше по нему можно было добраться до логова ведьмы. Сейчас же для этого нужно было покинуть пределы деревни и дойти до конца длинной Солнечной улицы. Как и полагается, избушка Зофьи располагалась за Старолисовской, подальше от людских глаз.

Крис не торопился. Собирался основательно, даже ножик взял. Тот самый складной, для ошкуживания кролей. Мало ли, вдруг нападёт несуществующая лесная нечисть, а ещё он собирался срезать палку для «Пекаря». Свою личную, а не черенок лопаты или доску от штакетника. Бабе Любе о лес-

ных прогулках он не говорил. Она вела себя так, слово у неё не было внука, он же себя вёл так, будто не имел бабушки. А познакомившись с окраиной леса, нашёл себе место, где можно хорошо спрятаться и от её вечных огородных заданий, и от порой докучливого Витька. Только от Маугли там точно не спрячешься. Лес явно был её территорией и, в отличие от местных легенд, эта девчонка была вполне реальной.

Почти час побродив по развалинам, Крис вышел на извилистую тонкую тропинку, раньше она ему не попадалась, выглядела заросшей и давно нехоженой. Сделав пару шагов, он настороженно прислушался. Лес притих, птицы смолкли, и это случилось так резко, будто звуки просто отключили, хотя ещё секунду назад глухо стучал дятел, а кукушка пророчила ему долголетие. Крис встряхнул рукой и посмотрел на циферблат наручных часов. Стрелки замерли, только секундная конвульсивно подёргивалась.

Сделав шаг назад, Крис снова услышал дыхание леса, а время продолжило свой бег.

– Хренотень какая-то, – сказал он вслух и тут же вспомнил про чёртовы тропки, ворующие время, и мерцающие, разрезающие пространство. Его не удивило, а скорее озадачило, что они оказались правдой. Он сделал пару шагов в каждую сторону, но фокус с исчезновением звуков больше не повторился.

Он снова вернулся к развалинам, но едва успел выбраться на дорожку, ведущую к дому, как увидел в кустах Маугли.

Она стояла к нему спиной и голыми руками ломала высокие стебли крапивы. На ней снова было странное платье, больше похожее на просторную мужскую рубашку, перехваченную поясом. Растрёпанную причёску украшали перья, хаотично воткнутые в волосы. Больше всего удлинённых золотистых пёрышек болталось на концах смоляных прядей и тонких косичек, мелькающих в её гриве узкими змейками.

На секунду она замерла, Крис явственно понял, что она почувствовала его присутствие, но не повернулась, а молча продолжила своё странное занятие.

Он поздоровался:

– Привет.

Осторожно приблизившись, замер, ожидая ответа. Славка не оглянулась, хотя его приветствие, естественно, услышала. Крис несколько минут наблюдал, как она бесстрашно рвёт крапиву и складывает в кучу. Не выдержал и решил попробовать сам, может, это какая-то другая крапива, некусачая? Но стоило ему коснуться резного края, как палец больно кольнуло и защипало. Он резко отдёрнул руку.

– Ай!

Славка обернулась, увидела, как он трясёт кистью и улыбнулась. Крис изумлённо посмотрел на её гладкие ладони без ожогов.

– Как ты её трогаешь? Не жалит?

Славка отвернулась и уже потом равнодушно пожала плечами.

Крис обошёл кучку повядшей сорванной крапивы и легонько пнул носком кроссовки.

– Зачем тебе столько крапивы? Можно подумать, плетёшь из неё рубашки для братьев-лебедей.

Славка резко развернулась и сверкнула глазами. Вопрос явно её разозлил, но Крис не понял чем, а объяснять она не хотела, да и не могла. Собрав сорванную крапиву в охапку, она направилась по дорожке к берегу Капиляпы, туда, где от Седьмого моста осталась только небольшая перекошенная пристань. Крис обогнал Славку и преградил дорогу.

– Можно я завтра приду и помогу тебе с крапивой?

Она усмехнулась и перевела взгляд на его покрасневший палец. Крис тут же нашёлся:

– Я возьму перчатки. Можно?

Несколько секунд она смотрела на него, не мигая, пристально и въедливо. Ни у одного человека Крис не видел такого тяжёлого взгляда, а такие огромные зрачки вообще встречал только однажды, у тюленей в приезде океанариуме. Она освободила одну руку, вытащила перо из своих волос и воткнула в шевелюру Криса над ухом. Уловив на его лице тень улыбки, кивнула.

Крис тут же улыбнулся, уже не таясь.

– Я приду в это же время? У тебя есть часы? Ты уже будешь тут?

Славка не ответила ни на один из его вопросов и, перехватив жгучую крапиву, пошла по тропинке, не глядя, куда

наступает босыми, незащищёнными пятками.

На следующий день Крис уже с утра нашёл в сарае тканевые перчатки, приготовил рубашку с длинными рукавами и вдохнул свободно только тогда, когда баба Люба ушла на работу. После «кроличьего» кошмара, он не мог смотреть на неё без опаски и внутренней готовности сбежать в любой момент.

Он рассказал Витьку об окровавленных тушках, но тот отнёсся к этому возмутительно спокойно, даже предложил как-нибудь пробраться на бойню к родителям Джека и посмотреть, как шарахают быка кувалдой по голове. Вот там настоящий ужастик, не то что мелкие кролики, и кровищи намного больше. Крис, помимо воли, заинтересовался. Такого он точно никогда не видел.

Баба Люба всё равно его пугала. И этот страх злил Криса своей необоснованностью, видимо, основывался на том впечатлении, которое она произвела ещё до хладнокровных убийств кроликов. Вот так бывает: не знаешь человека, но с первого взгляда понимаешь: он злой и лучше его обойти по большой дуге. Бешеная лисица или разъярённый пёс не вызывают желания подружиться. Не тянет понять их и придумать причину злости. То самое древнее чувство, живущее где-то в «пятой точке» и на загривке, сигнализирует об опасности без всяких объяснений.

Чтобы не видеть ошкуренных «младенцев», напоминающих о ночном ужасе, он завесил окно простыней. Уже пять

дней в спальне Криса царил полумрак, хотя забой временно прекратился. Баба Люба не заметила самодельную ночную штору и не потребовала её снять. Про Криса она вспоминала, только когда требовалось выполнить очередную хозяйственную повинность или он что-то делал не так.

Утром Витёк позвал Криса в центр, подразнить Домового – охранника местного музея. В небольшом здании, на вид древнем, как дольмены, хранилось всё, что уцелело после пожара в поместье: мебель, картины и даже копии драгоценностей.

Джек ждал их у колодца желаний в самом центре площади. Крис поздоровался с ним за руку, как взрослый, Машке кивнул:

– Привет, Маш.

В центр он раньше не выходил, увидел его в первый день своей ссылки, и желания познакомиться с местной культурой не возникло. Да и культурой как таковой тут не пахло. Школа, банк, библиотека и почта занимали одно здание. Напротив него гордо возвышалась деревянная перекошенная временем церковь, а по диагонали от неё доживал свои годы магазин с самодельной вывеской. Более или менее современным выглядел клуб с пафосной и неуместной имитацией колонн на фасаде. Но работал он только по выходным и праздникам и в основном в зимнее время, в летнее всё, что можно, праздновалось прямо на улице, иногда на поляне у лотосов, иногда на центральной площади. В этом же клубе

находилась мастерская по ремонту всего на свете и детский сад. Но для местных это был самый настоящий центр. Сюда стекались все сплетни, здесь встречались обсудить новости и похвастаться обновками из Абинска.

Мимо них прошёл глава деревни, увидев компанию ребят, сразу заподозрил их в планировании какой-то шалости и на всякий случай погрозил пальцем:

– Смотрите мне, не безобразничайте.

Из библиотеки выкатилась полненькая круглая женщина. Крис уже знал, что её зовут тётя Света. Она жила недалеко от бабы Любы и почти каждый день ходила мимо их двора. Всегда здоровалась и пыталась потрепать его за румяную щёку. Здесь всех называли тётями, без отчеств, хотя Джеку и Машке она действительно приходилась родственницей. Добродушная, улыбающаяся и с полными карманами жёстких ирисок. Она выглядела немного старше мамы Криса, но говорила и вела себя так, словно давно обабулилась.

Увидев ребят, она широко улыбнулась и закричала.

– Здравствуйте деточки, – выудив из кармана горсть конфет с налипшими на них ворсинками и скорлупками от семечек, протянула на ладони, – берите, берите.

Джек закатил глаза и молча сгрёб все ириски.

Крис не собирался их есть, но всё равно поблагодарил:

– Спасибо.

Ребята подхватили и закивали. Как только тётя Света отошла, Джек выбросил ириски в колодец и отряхнул руку. Тётя

Света любила угощать, а Джек не любил ириски и почему-то стыдился такого родства.

Крис не знал, зачем именно его позвали в центр и какое развлечение вообще задумали, его просветили уже у дверей музея. Машка сунула ему в руку старую заколку. Джек инструктировал тихим басом:

– Зайдёшь отдельно от нас, мы позже компанией завалимся, типа не с тобой, а ты побродишь, поглядишь помещичьи побрякушки, а потом сделаешь вид, что взял что-то с полки или столика. Сам придумай, там и мебель есть, не сгоревшая в поместье.

– И сразу беги, – встрял Витька.

Джек покачал головой.

– Нет, зачем сразу? Пусть поймает, а ты ему хоба! Покажешь заколку и типа такой, это моей сестры, не троньте меня, а то милицию вызову. Посмотрим на его офигевшую рожу.

Крису сразу не понравилась эта затея, а то, что ему доверили главную роль – и подавно. Спорить он побоялся, чтобы не выглядеть трусом. В принципе, ничего особенного, воровать на самом деле не нужно, только сделать вид. Сам музей произвёл впечатление пыльной и тёмной барахолки. Мебель и углы комнат украшала ажурная столетняя паутина, на всём лежала дымчатая пушистая пыль, местами потревоженная чьими-то наглыми пальцами.

Как и ожидалось, Домовой сразу же обратил внимание на

Криса. Пока он ходил по музею, зритель бродил за ним мрачной тенью, поглядывая из-под кустистых бровей. Крис пытался изображать заинтересованность и спокойствие, на самом же деле слышал только свой частый пульс. Ребята громко смеялись у картины с одним из потомков Старолисовых. Домовой скосил на них глаза, хотел уже рявкнуть и потребовать уважения к памяти помещиков, но тут Крис проделал фокус с заколкой. Убежать он бы не успел в любом случае. Слишком близко стояли некоторые экспонаты, а дорога к выходу протискивалась между зеркалом и статуэткой на колонне.

Домовой буквально на лету поймал Криса за воротник рубашки и, развернув к себе, ткнул жёсткой бородой в его лицо.

– Положь, откуда взял!

Крис задёргался, пытаясь высвободиться.

– Я ничего не брал, – он потряс стиснутым кулаком перед лицом Домового и медленно разжал пальцы. – Это моя заколка.

За спиной от смеха прыснула Машка и передразнила то-неньким голосом:

– Это его заколка. Он такие носит. Сама видела.

Хохот подхватили и другие ребята.

Домовой оглядел ладонь Криса и брезгливо отдернул руку. Каждую безделушку в музее он знал досконально и сразу понял, что заколке тут не место. Ещё через секунду он по-

нял, что над ним подшутили, и разозлился ещё больше:

– Давно ремня не получали? А если бы правда взяли себе проклятие? Смешно вам? Жить надоело?

Крис сделал пару шагов, пятясь, а потом развернулся и побежал к выходу. Витёк и Джек уже ждали его там, остальные вылетели следом. Михи не было во время самого развлечення, но теперь подошёл и он.

Оглядев красные от смеха лица друзей, осуждающе покачал головой:

– Придурки вы. Это же не шутки на самом деле, – он повернулся к Крису. – Вон у Водовозовых постоянно проклятые сидят, самогонку хлещут. Тоже, наверное, пошутить хотели, а теперь один глухой, другой слепой, третий немой. Сходи и полюбуйся, отпадёт всякое желание так шутить.

Крис хотел расспросить о проклятых подробнее, но бросил взгляд на часы и заторопился. Маугли уже, должно быть, бродила в лесу, а он ещё не взял перчатки, да и бежать ему к развалинам минут тридцать, не меньше. Объяснять свой торопливый уход он не стал и не знал, что Джек за его спиной придумал причину: «маменькин сынок обиделся». Витёк пытался его защитить, но не очень уверенно, а Миха бухтел сразу на всех. Как коренной старолисовец, он не просто верил во все легенды, но и следил, чтобы к ним относились почтительно.

Славка уже была на поляне, старательно рвала крапиву, но, услышав торопливый топот, обернулась и улыбнулась.

Верхняя губа подпрыгнула, обнажая крупные зубы, клыки выглядели непривычно заострёнными, почти хищными, хотя сама улыбка обезоруживала своей искренностью. Крис застопорился и растерянно оглядел уже сорванную крапиву.

– Я ножик принёс.

Славка нахмурила чёрные густые брови, нехотя кивнула.

– Не понял. Помогать или нет?

Дождавшись ещё одного кивка, Крис натянул перчатки и примерился к зарослям крапивы. Хотел рубануть посередине, где удобнее, но Славка указала пальцем на землю. Крис оглянулся, заметил, что она выбирает только стебли выше собственного роста и ломает под корень. Крис нехотя отметил, что она переросла его на полголовы. Он присел и, старательно отклоняясь от жгучих листьев, срезал первый стебель у самого основания.

Вместе они собрали большую охапку, правда, Славка почти половину забраковала, откинула в сторону надломанные или слишком короткие стебли. Связав оставшиеся в пучок, всучила Крису и сама взяла пук два раза больше. Он промолчал, хотя сначала хотел возмутиться, но до сих пор боялся, что молчаливая Славка просто сбежит, если ей что-то не понравится.

Крис постоянно вертел головой, стараясь не обжечься крапивой и не потерять юркую Славку из виду. На одной из боковых тропок увидел застывшую от удивления Машку. Вот уж точно сюрприз. Не только она была удивлена, Крис

не ожидал её тут увидеть, споткнулся, едва не выронив жгучую связку. Быстро выровнявшись, снова догнал Славку, но не выдержал и оглянулся. Машка смотрела им вслед, нарочно преувеличивая удивление округлённым ртом и вскинутыми бровями. Крис чертыхнулся. Машка точно расскажет, что застала его в лесу в компании Маугли. И не видать ему больше ни «Пекаря», ни соседских вкусных обедов. Попал так попал.

За размышлениями он не заметил, как они выбрались на поляну у реки. Когда он ходил сюда с Витьком, они шли гораздо дальше, хотя тропка вроде была та же. Славка прошла по разрушенным мосткам и сложила крапиву в привязанную лодку. Поманила рукой Криса. Он с опаской прошёлся по шатающимся и скрипящим доскам до самого края и тоже опустил повядшие стебли на дно лодки. Славка сдвинула крапиву и, сев на скамейку, взялась за вёсла.

Крис оглядел часть берега и удивлённо вскинул брови:
– Ты сама будешь грести? А умеешь?

Судя по лицу Славки, она вообще не задумывалась, что умение плавать на лодке самостоятельно в десять лет – это что-то особенное.

Она взмахнула вёслами, а Крис неожиданно шагнул в лодку и едва не упал в крапивную кучу. Выровнявшись, сел напротив и только потом сказал:

– Я с тобой.

Славка не отреагировала на его утверждение, хотя он за-

был добавить вопросительную интонацию, но и не выгнала. До середины реки они добрались быстро – несло течением, лодка то и дело раскачивалась и грозилась зачерпнуть бортом воду. Уключины скрипели, Славка пыхтела, но весла не отдавала, не разрешила даже попробовать сделать пару гребков. Крис, опустив взгляд в Капиляпу, пытался разглядеть русалок, которые снесли Седьмой мост и, если верить Михе, частенько топят коров и овец около водопада Волосы утопленницы. Второй водопад – Гребень Мавки – находился у Пятого моста и пропускал воды реки через каменные вертикальные зубья, словно через расчёску, но утопить там можно было разве что котёнка.

В воде действительно что-то мелькнуло, Крис наклонился, бросил взволнованный взгляд на Славку.

– Русалки, утопленницы? Или караси?

Она хмыкнула, но не опровергла ни один из вариантов.

Крису начинала нравиться её молчаливость. Было в этом что-то загадочное и одновременно умиротворяющее. Рядом с ней он слышал лес и свои мысли. А ещё за эти дни она ни разу не назвала его толстым или Крысом. У Славки тоже имелось множество черт, которые можно было превратить в прозвище или просто обидно выделить. Те же оттопыренные уши, грязные босые ноги и непонятное старомодное платье, явно ей не по размеру, а потому перевязанное на поясе лоскутом ткани другого цвета. А сегодня Крис отметил ещё и обкусанные грязные ногти, и широкий рот с заострёнными

ми клыками. Самые разные прозвища так и напрашивались на язык, но самым подходящим было все-таки Маугли. Кто бы это ни придумал, он уловил суть. Даже внешне она была похожа на мультяшного персонажа. Такая же смуглая кожа, смоляные волосы, глаза, будто спинки ядовитых пауков, и босые ноги.

Лодка глухо стукнулась о мостки и снова едва не перевернулась. Славка накинула на столб верёвку и дёрнула за край, притягивая судёнышко вплотную к пристани. Выпрыгнула легко, чуть приподняв подол свободного платья, и протянула руки. Крис и без слов понял её жест. Собрал крапиву и, удерживая равновесие широко расставленными ногами, подал охапку Славке. За три захода они переложили на пристань всё, что нарвали. Разделили на две равные части и пошли по извилистой тропинке. Крис уже не спрашивал разрешения, молча шёл за Славкой, замирая от пугливого предвкушения при мысли о том, что сегодня увидит логово ведьмы.

Сначала расступились липы, за ними зелёные шершавые подсолнухи, только потом начался двор, точнее, сад, буйно заросший кустами с белыми шарообразными соцветиями, крапивой, сиренью и сорняками. Как только показался старенький деревянный сарай, навстречу им непонятно откуда выскочил здоровенный индюк. Распушив перья и воинственно трясая красной «соплей», кинулся на них, словно сторожевой пёс. Вместо лая громко заклекотал.

Славка на секунду растерялась, первым отреагировал Крис. Отодвинув её, он выставил вперёд жгучую охапку и прикрикнул:

– Кыш! Урод! Щаз как дам крапивой по морде!

Индюк недоуменно затормозил в метре от Криса и попятился. Перевёл внимательный взгляд на Славку, словно спрашивая: уйти? Она кивнула и махнула рукой, призывая освободить дорогу. Как ни странно, индюк послушался и нехотя побрёл в заросли малины.

Крис проводил птицу взглядом и только потом нервно засмеялся. Он и испугаться-то не успел. Славка смотрела на него пристально, слишком серьёзно для такой абсурдной ситуации, словно увидела в этом какой-то другой смысл. Улыбнулась едва-едва.

Обойдя парочку обильно плодоносящих абрикосов, они вышли к сараю. Как оказалось, крапиву она собирала уже не первую неделю. На траве лежали связки стеблей, очищенные от листьев в разной степени высыхания или, точнее, вяления. Новую крапиву они тоже очистили, превратив в тонкие прутики. Крис сдирал листья перчатками, а Славка лоскутом кожи. Получилось всего три небольших пучка лысых длинных палок, похожих на ивовые ветки и уже не жгучих.

Крис молча повторял за Славкой нехитрые действия, если и спрашивал, то не рассчитывая на ответ, но иногда получал кивок. Всё время поглядывал на приземистый домик недалеко от сарая – логово ведьмы. Избушка на курьих нож-

ках сильно его разочаровала. Обычная хатка, старенькая, низенькая, очень похожая на дом бабы Любы, тоже с верандой и без забора.

Оставив ощипанную крапиву прямо на траве, Крис прошёлся вдоль кривоватых низких яблонь, увидел заросли крапивы и усмехнулся.

– Это какая-то другая крапива?

Славка переложила пучки стеблей, некоторые перевернула, чтобы на солнце оказались нижние прутья. В сарае она чем-то погремела и вернулась с куском мела. Ответ написала прямо на стене левой рукой.

«Эта молодая, а нужна старая».

Крис прочитал надпись и не сдержал улыбку. Значит, несмотря на странный вид и откровенную дикость, Маугли не дурочка. Почерк красивый, хотя наклон букв непривычный.

– Для чего нужна?

Славка вздохнула, задумчиво постучала мелом по стене и написала:

«Чтобы сделать крапивную пряжу».

Крис обернулся, оглядел пучки тонких стеблей. Для него делать ткань из крапивы – всё равно что из камня. Что-то совершенно фантастическое. Он снова вспомнил про сказку Андерсена.

– А из пряжи связать рубашки братьям? Только тогда ты сможешь говорить? Я тоже читал эту сказку, – он усмехнул-

ся.

Славка разозлилась, швырнула мел о стенку и фыркнула. Крис растерялся, он не хотел её обидеть, но сказал явно что-то не то. Немота Славки сегодня ему уже приходила на ум, когда Миха рассказал про трёх проклятых. Один из них тоже онемел. Может, и Маугли стащила какую-то безделушку из музея и поплатилась голосом? Хотя она же дочка ведьмы, ей положено проклинать, а не быть проклятой. Крис решил пока не касаться этой темы, ссориться ему не хотелось.

– Прости, не хотел тебя обидеть.

Славка едва заметно улыбнулась и, подобрав раскрошенный мел, написала: «Пить хочешь?»

– Хочу.

Он словно только сейчас почувствовал, как сильно пересохло во рту. Славка скрылась за кустами сирени, хлопнула дверью, видимо, отправилась в дом. Крис прогулялся по дорожке, тоже вышел к крыльцу, заставленному горшками с геранью, и сразу же увидел дуб. Его невозможно было не заметить. Не исполинский долгожитель в десять человеческих охватов, но тоже довольно старый, повидавший на своём веку немало вёсен и судеб. Высокий и удивительно симметричный. Обычно такими красивыми и правильными деревья рисуют дети.

На его широкой нижней ветке висели качели. Чуть покачивались от ветра, словно приглашали. Крис тронул натянутые верёвки, оглядел плоскую доску и, не раздумывая, вско-

чил на неё ногами. Стоя лицом к небу и спиной к дому, чуть присел и толкнул дощечку вперёд. Ветер тут же влажно лизнул лицо и спушил волосы. Крис немного отклонился назад и снова толкнулся. В этот раз качели взметнулись выше, а ветер обнял его целиком. Больше он не раскачивался, ждал затухания колебаний, чтобы спрыгнуть.

Когда дощечка зависла над землёй, Крис почувствовал, как дёрнулись верёвки, опора чуть не убежала из-под ног. Сзади на качели прыгнула Славка, обошла его вплотную, касаясь животом и бёдрами, и встала лицом к лицу. Её пальцы обхватили влажную бечёвку чуть выше его пальцев, босые ноги втиснулись между его кроссовок. Крис выпрямил руки, увеличивая между ними зазор, Славка тоже отклонилась и неожиданно резко толкнула дощечку, запуская раскачивание. Крис не растерялся и ответил тем же. Легко подстроился под её ритм.

Она приседала и толкала, а он выпрямлялся. И наоборот. Когда толкал он, ветер трепал распущенные волосы Славки и укутывал Криса в кокон, но стоило качелям поменять направление, как смоляная грива чёрными крыльями раскрывалась за её спиной, бесстыдно открывая розовые оттопыренные уши. Потревоженные ветром перья вылетали из прядей, и подхваченные завихрениями воздуха устремлялись вверх к перистым облакам, словно к себе на родину.

Ветер бил в лицо и, наполняя рот, воровал дыхание и заставлял зажмуриваться. Крис смеялся, но Славка даже

не улыбалась, смотрела на него сосредоточенно и серьёзно. Пряди то и дело перекрывали её пронзительный взгляд, но, стоило качелям поменять направление, как Крис снова на него натёкался. И сам же не мог отвернуться, словно она его загнипотизировала. Несколько раз она беззвучно произнесла незнакомое по артикуляции слово. Он затаился, ему даже показалось, что расслышал шипящие звуки, а может, это ветер шумел, раскачивая вековой дуб и осыпая их ажурными листьями.

Постепенно раскачивания затухли, качели остановились. Славка спрыгнула на траву и вернулась к крыльцу. Вручив стакан с водой, дала и листок бумаги, на котором было написано, как добратся до деревни. А потом, не прощаясь, развернулась и ушла в дом. Крис выпил воду и поставил стакан на болтающуюся дощечку.

Он и не рассчитывал вернуться в лодке, но надеялся, что Славка хотя бы его проводит. В принципе, он бы нашёл дорогу и без инструкции. Всего-то нужно идти прямо, никуда не сворачивая. Слева – лес, а справа – бесконечные ряды виноградников, чуть прикрытые со стороны дороги молодыми ещё подсолнухами с оранжевыми соцветиями.

Странно, что эта одинокая грунтовка, проложенная сквозь поля, называлась улицей, ведь кроме домика ведьмы тут никто не жил. Уже на подходе к деревне показалась парочка старых заброшенных домов, а между ними двухколейное ответвление к распластанному зданию маслобойни. Тут

подсолнухов росло гораздо больше – целое поле.

Крис присмотрелся и увидел, что со стороны маслобойни идёт женщина, когда расстояние сократилось, он узнал тётю Свету. Всегда улыбчивая, сегодня она выглядела уставшей, даже шла медленно, словно переставляла ноги, преодолевая усталость. Увидев Криса, она не удивилась, хотя по этой дороге можно было идти только из логова ведьмы.

Привычно растянула губы в искусственной улыбке.

– Здравствуй, деточка.

– Здравствуйте.

Она прошуршала в кармане и достала пустую обёртку от ириски.

– Иди с Богом.

Крис недоуменно промолчал, а тётя Света, не оглядываясь, побрела дальше.

Он бы и не вспомнил об этой встрече, если бы на следующий день не случилось сразу несколько событий. Утро началось с появления в их компании нового мальчишки. Местных, близких Крису по возрасту, было не так уж много, но летом появлялись сданные на лето привозные дети. Дима не был новеньким, года три назад он уже гостил в Старолисовской и даже успел познакомиться с Михой. Тот его и привёл к колонке, где по умолчанию всегда играли в «Пекаря». Крис надеялся похвастаться своей новой палкой, самолично выструганной из поросли молодого клёна. Но новенький перетянул на себя всё внимание, и палка осталась незамеченной.

Миха познакомил его со всеми, последней представил Машку.

Дима оглядел её пыльное, остроносое лицо.

– Ты девчонка, что ли? Офигеть. Михе все Машук, Машук, я думал, пацан. Реально же пацан.

Крис боялся, что Машка раскроет его секрет. Но она промолчала, хотя посмотрела так, что он понял: у неё есть козырь и лучше её не злить. Самое неприятное, что по его испуганному лицу она это поняла. Но, к счастью, её отвлек новенький, и Крис на время расслабился. Он и сам не мог понять, что больше пугает, что его будут стыдить за эту дружбу или необходимость делиться Славкой? Пожалуй, поровну.

Начали игру, несколько раз кинули «камень-ножницы-бу-мага» и выбрали Пекаря. Витёк одолжил Диме палку, ту самую, с которой начинал свою «пекарскую» карьеру Крис. Но новенький не горел желанием играть, стоял у первой линии и, поднимая пыль торцом черенка, жаловался на вселенскую несправедливость, загнавшую его в этот богом забытый медвежий угол.

– Батя типа наказать меня решил. Как он сам сказал: чтобы я научился руками работать, копать, кур рубить. Что там ещё? Стирать в тазике. Какой бред! Где? Где мне это пригодится? Я как-то не планирую жить в такой глуши и срать в дырку в земле. Оно мне надо, знать, чем отличается амброзия от ботвы картошки? Не деревня, а доисторическая глушь. Я тут сдохну от скуки.

Крис усмехнулся. Надо же, Дима озвучил его собственные мысли. Не побоялся и не постеснялся. Прямо назвал всё, что раздражало и его. А он промолчал, хотя думал точно так же, а Дима – нет. Видимо, они с ним подружатся.

Дима играл довольно неплохо, метко попадал по банке, но при этом не переставал возмущаться:

– И это ваши развлечения? Банку долбить? А в центре деревни что? Компьютер хоть у кого-нибудь тут есть? Просто писец!

Ребята помалкивали, даже Джек растерялся и не хвастался своими бицепсами, надутыми кувалдой для забоя быков. Всё, что говорил Дима, было правдой, они и сами это знали, но привыкли к такой жизни и считали нормой, пока их не ткнули носом в отсутствие цивилизации. А теперь им было неудобно перед городским за то, что их деревня, оказывается, дыра дырой, словно это они её такой сделали. Крис втайне злорадствовал. Вот хоть кто-то прямо рассказал, что такое их сказочная Старолисовская – помирающее захолустье в петле реки. Без горячего водоснабжения, без удобств и без интернета. Не отдых, а наказание.

Когда начало смеркаться, на улицу повернула мама Витька. Тяжёлые сумки оттягивали её руки, а под мышкой она несла полуторалитровую бутылку с лимонадом. Поравнявшись с ребятами, устало опустила котомки на землю.

– Вить, возьми газировку, угости ребят.

– Спасибо, тётъ Насть! – откликнулся Миха.

Крис смущённо выступил вперёд.

– Вам помочь?

Тётя Настя словно впервые увидела Криса. Недоверчиво оглядела его белую рубашечку, застёгнутую до самой верхней пуговицы, и уложенные светлые волосы.

– Не нужно, я уже дошла.

Избавившись от неудобной бутылки, она направилась к дому, но потом обернулась и нашла взглядом сына.

– Не задерживайся, чтоб дома был через час, ужинать будем. Я пока к тёте Свете зайду.

Крис хмыкнул, вся улица знала, что мама Витька носит тёте Свете столовские остатки. Одну сумку себе, одну ей. Там подобную роскошь принимали с превеликим удовольствием – семья-то большая. По городским меркам просто огромная. Тётя Света вырастила пятерых здоровенных рыжих сыновей и продолжала выращивать трёх конопатых дочек-погодок. Её муж выпивал, но в трезвом состоянии тоже любил поесть.

Витёк открутил крышку и жадно присосался к горлышку, Джек выхватил у него бутылку и залпом отпил треть лимонада, Машук ткнула брата в бок.

– Хорош, дай мне, выдул почти всю газировку!

Пока Машка пила, Джек и Витёк состязались в громкости и продолжительности отрыжек, а Крис наблюдал за ними с откровенной брезгливостью. Машка всучила ему бутылку.

– На. Можешь всё допивать. Там на донышке.

Крис взял бутылку, взболтал оставшуюся жидкость и сразу же вернул. Слюней там было поровну с лимонадом, а ещё плавали крошки от печенья, которое Джек ел до появления мамы Витька.

Он протянул бутылку Маше.

– Не люблю лимонад.

Дима наблюдал за ними со стороны, но услышал слова Криса, громко засмеялся, правда, объяснить причину веселья не успел. Из двора тёти Светы выбежала мама Витька, испуганная и растерянная. Пробежала мимо ребят, вернулась, схватилась за голову и замерла в странной позе, словно остановилась на середине движения.

– Тётя Света повесилась!

Джек пошатнулся.

– Как повесилась?

– В сарае, над загонем с поросями. Беги к папе быстрее, а я к главе, нужно участкового вызвать.

Крис так и застыл с бутылкой недопитого лимонада. Эта новость прозвучала настолько неожиданно и инородно, что он не знал, как на неё реагировать. Минуту назад они играли в «Пекаря», Дима практиковался в оскорблениях, а он судорожно придумывал, как выкрутиться из неудобной ситуации и не показаться при этом тряпкой. А в это время кто-то так сильно разлюбил жизнь, что расстался с ней. В сарае. Над загонем с «поросями».

Позже по улице бродили озабоченные печальные люди,

ездили машины с важными чиновниками и не такими важными родственниками. Вернулась баба Люба, злая и уставшая. Прикрикнула на суетливых женщин, по неосторожности подошедших слишком близко к её палисаднику. Местный почтальон тётя Женя с огромной сумкой, которую она носила как барсетку, и незнакомая женщина, тоже, наверное, какая-нибудь тётя, сразу же отошли. А крупная дама в пятнистом халате сдвинулась нарочно медленно, всем своим видом показывая, что делает одолжение. Крис не особенно запоминал имена местных, но эту назвали совсем уж чудно – Поликарповна. Она встала рядом с мамой Вити, притянула к себе ещё почтальона и незнакомую «тётю» и с жадным любопытством наблюдала за разворачивающейся трагедией. Ждала, когда проедет грузовик, вызванный из Абинска, и, словно кровожадный радар, ловила горькие эмоции сыновей тёти Светы.

Крис сидел на корточках у дома Витька, задумчиво бросал ножик в землю под ногами и прислушивался к разговорам. Версии были разные, но объединяло всех удивление и непонимание.

Поликарповна размышляла вслух:

– И чего ей в жизни не хватало? Семья, дети вон какие вымахали. Дочки-отличницы.

– Петька пил, – произнесла тётя Женя с явным осуждением.

– Ну и чё? У всех пьют. Не вешаются же. А Света никогда

на него не жаловалась. Всё в дом, в семью. Такая хозяйка была.

– Да, она готовить любит, – сказала незнакомая «тётя» и сразу же поправилась: – Любила. Вечно на печке что-то булькало.

– И всё одно не хватало их ораве, – напонила Поликарповна и покосилась на маму Витька.

– Ну, так Петька же пил.

Помолчали.

– Так если хорошо всё было, чего она к Зофье ходила? – задумчиво протянула тётя Настя.

– Откуда ты знаешь, что ходила? – заинтересовалась Поликарповна.

– Спрашивала у меня, чем платить за гадание.

– И чем?

– Откуда я знаю? Зофья всем разную цену называет, а какую – рассказывать нельзя.

– Так это ничего ещё не значит, – размышляла вслух Поликарповна. – Может, собиралась, но не ходила.

– Может, и не ходила, – согласилась почтальонша. – Но повесилась.

– Да что ей в голову ударило? Муж нормальный, у некоторых и такого нет, дети здоровые. Хата. Хозяйство, даже машина есть! Может, не сама?

Тётя Настя вздрогнула.

– Сама. Там табуретка кухонная лежала, вся в навозе.

Хряк необутую ногу Светы успел погрызть, докуда достал.

Крис отвернулся, будто это могло спасти от яркой картинки, которую нарисовало безжалостное воображение. И всё-таки тётя Света ходила к ведьме. Он это знал абсолютно точно, но также знал, что никому об этом не скажет, словно ему доверили какую-то тайну. Что же такое сказала Зофья, что тётя Света повесилась в загоне с поросятами? Почему-то именно эта неприглядная подробность не выходила из головы. Поросята в навозе и погрызенная хряком нога.

По улице пробежал старший сын тёти Светы, а за ним мама Джека. Она остановилась напротив Поликарповны и доложила:

– Нашли записку, – она выдержала драматичную паузу и добавила: – «Детей я прощаю. Простите и вы меня».

Два дня деревня гудела и обсуждала неожиданное самоубийство. Шёпотом передавали информацию, что тётя Света собиралась к Зофье. А может, и ходила. Но после похорон всё вернулось в обычный ритм, только в «Пекаря» почему-то больше не играли. Дима каждый день приходил в компанию, но это не мешало ему поливать грязью и деревню, и всех подряд. Делал он это будто между делом, под прикрытием шуток. Досталось даже Джеку. Он похвалил его силу и тут же принизил умственные способности, «которые, в принципе, не нужны, чтобы прибить корову». Михе прилетело за его маниакальную суеверность, Витёк получил за сутулую спи-

ну, «лопатки на которой торчат словно острые сиськи», но это ничего, они хотя бы есть, не то что у Машки, у неё их никогда не будет, потому что она мужик. Только так он её и называл. Криса какое-то время не трогал. Легко вычислил в нем городского и делал вид, что они на одной стороне. Оба несчастные, выброшенные из цивилизации на остров к диким папуасам.

Крис хорошо помнил, как его приняли в компании и глумились над именем, поэтому с удовольствием слушал острые шутки Димы, а тот и рад был стараться. Придумывал всё новые и новые оскорбления, закутанные в три слоя насмешек.

Миха хвастался развалинами с первого дня, но только через неделю Дима решил, что пора посетить местную достопримечательность. Когда они переходили мост, Машка бросила взгляд на Криса, хитро сощурилась, но обратилась к Диме:

– Заодно и с Маугли познакомишься.

Крис споткнулся, Славку он не видел уже несколько дней. После сбора крапивы они встречались всего один раз у заводи, огороженной ивами. Крапиву больше не рвали, видимо, её уже было достаточно. О встрече заранее не договаривались. Просто встретились на той самой поляне, где осталась только стерня от крапивы, а потом пошли к речке.

Славка бродила по перекинутому над рекой стволу дерева, добираясь до самого края, возвращалась назад почти бегом. Даже не покачивалась, наступая на неровности или тон-

кие ветки. Быстро перебирала босыми ногами и цеплялась пальцами за выступы.

Крис наблюдал за ней с завистью и восхищением. Она словно не касалась поверхности. Как легко ей давались прыжки, лазанье по деревьям, она не боялась упасть или оступиться! Он хотел бы её догнать или забраться на кривой ствол над рекой, но не смог дойти даже до середины. Славка всё так же молчала, хотя смеялась в голос. Про немоту Крис больше не спрашивал, безгласная Славка его вполне устраивала. Если для общения ей не хватало кивка или выразительного сердитого взгляда, она чертила буквы палкой на земле или выводила их ивовой веткой прямо на воде.

Подзадоренный Славкой, Крис разулся и, закатав края брюк, опустил ноги в Капиляпу. Вода обхватила щиколотки, озноб поднялся мурашками от стоп до самой макушки. Солнце припекало, а от реки веяло прохладой, словно из погреба.

Славка бродила вокруг него, висела на ветке дерева верх-ногами, бесстыдно демонстрируя трусы и доставая длинными косами до самой земли. Рвала рогоз и, размочаливая тугие коричневые початки, бросала в воду.

Набегавшись, упала на траву рядом с Крисом и закрылась от солнца согнутыми руками. Свет пробивался через длинные ветки ивы, тени бродили по коже, подвижными пятнами расцветивая то нос, то лоб. На Крису нахлынуло странное безмятежное состояние, похожее на полусонную негу,

как бывает утром в выходной или каникулы, когда не надо никуда торопиться, а из кухни пахнет чем-то вкусным. Все дома, и впереди целый день безделья... Только вот ни дома, ни семьи у него больше не было.

Он сам не заметил, как рассказал Славке про развод родителей, про освежёванных кроликов за окном его спальни, а потом и про тётю Свету. Сам же разозлился на себя за болтливость. Немота Славки как-то странно действовала на него, словно он бросал слова в пропасть, а вместе с ними свой страх, боль и злость. И они летели легко, словно бумажные самолётики, но падали при этом словно тяжёлые булыжники. Гулко и безвозвратно.

Славка слушала внимательно, когда рассказ свернул на загон с «пороссями», приподнялась и, сев напротив Криса, взяла его за руку. Он опустил взгляд на её тонкие пальцы с неровными ногтями, на фоне его белой пухлой руки её кожа казалась ещё смуглее. Она перекинула косу на грудь, вытащила из неё золотистое перо фазана и воткнула в шевелюру Криса. Уже второй раз она украсила его на свой лад. Сразу не отодвинулась, погладила по голове, словно щенка, провела по щеке грязным пальцем и улыбнулась.

Крис поймал её взгляд.

– Тётя Света ходила к твоей маме?

Славка кивнула, больше ничего не добавила, а Крис, несмотря на бурливое любопытство, не решился расспрашивать. Позже они катались на лодке, и Славка разрешила ему

пошлёпать вёслами по воде. Грёб он из рук вон плохо, но обещал научиться.

А сейчас он шёл почти той же тропой, но уже с ребятами. Дима всю дорогу возмущался и подозревал, что его ведут в бурелом на съедение енотовидным собакам. Крис с удивлением отметил, что с каждым днём его шутки кажутся всё менее смешными и всё больше кусачими. Утром Дима назвал его пухляком и изобразил на себе складки, как у гусеницы. Крис вспыхнул и с трудом промолчал. На личном опыте убедился, что лучше не реагировать, иначе задирать будут ещё чаще и больше.

На развалинах Дима на какое-то время отвлёкся от злословия. Оторопел от увиденного и забыл, что это дыра и глухомань, которой нельзя восхищаться.

Он сразу же забрался на лестницу.

– Офигенно! И почему никто себе тут до сих пор хату не построил и не живёт?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.